РЕНЕ ГЕНОН

ЦАРСТВО КОЛИЧЕСТВА И ЗНАМЕНИЯ ВРЕМЕНИ

ОЧЕРКИ ОБ ИНДУИЗМЕ

ЭЗОТЕРИЗМ ДАНТЕ

Annotation

В знаменитом исследовании "Эзотеризм Данте" (1925) Генон предпринял попытку раскрыть сложную систему символов поэтики Данте.

Рене Генон

Эзотеризм Данте

Глава I. СМЫСЛ ЯВНЫЙ И СМЫСЛ СКРЫТЫЙ

О вы, разумные, взгляните сами,
И всякий наставленье да поймет,
Сокрытое под странными стихами!

Этими словами[1] Данте совершенно определенно указывает, что в его произведении содержится скрытый смысл, учение в собственном смысле слова, для которого внешний и явный смысл только покрывало и который должен быть найден теми, кто способен за него проникнуть. В другом месте поэт идет еще дальше, заявляя, что вся письменность, а не только священные писания могут быть поняты и должны истолковываться принципиально в четырех смыслах: «можно подразумевать и полагать максимум четыре смысла».[2] Очевидно, что эти различные значения ни в коем случае не должны разрушать друг друга или друг другу противопоставляться, напротив, они должны дополнять друг друга и согласовываться, как части единого целого, как составные элементы единого синтеза.

Несомненно, «Божественная комедия» в целом может быть истолкована во многих смыслах, и мы в этом отношении имеем свидетельство самого автора, разъясняющего нам собственные замыслы, и, безусловно, более заслуживающее доверия, чем всякое другое. Трудность возникает только тогда, когда речь заходит об определении этих различных значений, особенно самых возвышенных или самых глубоких, и именно здесь, естественно, начинаются разногласия между комментаторами. Они в основном приходят к согласию в определении буквального смысла поэтического повествования философского (или скорее философско-теологического), политического и социального смысла, но даже вместе с буквальным смыслом это составит всего только три, Данте нас предупреждает, что надо искать четвертый; что же это за четвертый смысл? Для нас это может быть только смысл, предназначенный для посвященных, по сути своей метафизический, с которым соединены множество данных значений, которые, не все принадлежат к порядку чисто метафизическому, но в равной мере тоже обладают эзотерическим

характером. Именно из-за этого их характера глубинный смысл совершенно ускользал от большинства комментаторов; тем не менее если его игнорируют или же не признают, то и остальные смыслы могут быть схвачены лишь частично, потому что он является как бы их принципом, в котором согласовывается и объединяется их множественность.

Но и те, кто имеет в виду эту эзотерическую сторону произведения Данте, часто ошибаются относительно ее подлинной природы, потому что чаще всего им недостает реального постижения этого рода вещей и их интерпретации страдают от предрассудков, от которых им невозможно избавиться. Так, Россети и Ару, которые были в числе тех, кто первыми указали на существование этого эзотеризма, думали, что можно сделать вывод о «ереси» Данте; они не отдавали себе отчета в том, что это значит смешивать способы рассмотрения, относящиеся к совершенно различным областям; дело в том, что если они и знали некоторые вещи, то многие другие они игнорировали, мы же попытаемся показать их, не претендуя ни в коей мере дать полную картину предмета, который кажется поистине неисчерпаемым.

Для Ару вопрос стоит таким образом: Данте католик или альбигоец? Для других, как представляется, вопрос стоит в других терминах: был ли он христианином или язычником?[3] Что касается нас, то мы не думаем, что надо придерживаться такой точки зрения, так как истинный эзотеризм — это нечто совершенно иное, нежели внешняя религия. Если он и имеет какое-то отношение к ней, то это может быть только потому, что он находит в религиозных формах способ символического выражения; неважно, впрочем, к какой религии будут принадлежать эти формы, потому что речь идет о сущностном единстве учения, которое скрывается за их видимым разнообразием. Вот почему посвященные древности участвовали равно во всех культах внешних религий, следуя культам, установленным в различных странах, в которых они находились. Так же и Данте пользовался при случае либо языком, заимствованным в христианстве либо в греко-римской античности потому, что видел это фундаментальное единство, а не в следствие поверхностного «синкретизма». Чистая метафизика не бывает ни языческой, ни христианской, она универсальна; античные мистерии не были язычеством, но они на него наслаивались;[4] так же и в средние века были организации, характер которых был инициационный, а не религиозный, но которые брали за основу католицизм. Если Данте и принадлежал к некоторым из этих организаций, что кажется нам несомненным, то это вовсе не является

основанием объявлять его «еретиком»; те, кто так думает, имеют о средних веках ложное или неполное представление, они видят в них только, так сказать, внешнюю сторону, потому что в конце концов в современном мире нет больше ничего, что могло бы служить им образцом для сравнения.

Если реальный характер всех тайных организаций был таков, то известно только два случая, когда были вынесены обвинения в «ереси» против некоторых из них или против некоторых из их членов, да и то, чтобы скрыть другие, гораздо более обоснованные претензии или более или менее правдивые, но которые нельзя было сформулировать открыто. Первый из этих двух случаев был тот, когда некоторые из посвященных могли несвоевременно разгласить тайны, рискуя зародить смущение в умах, не готовых к познанию высших истин, и тем самым вызвать непорядки с точки зрения социальной жизни. Авторы подобных разглашений тайн были не правы в том, что сами создавали смешение двух порядков, эзотерического и экзотерического, которое в результате оправдывало в достаточной мере упрек в «ереси»; такой же случай часто повторялся и в исламе,[5] где, однако, эзотерические школы обычно не встречали никакой враждебности со стороны религиозных и светских властей, представляющих собой экзотеризм. Что касается второго случая, то здесь обвинение было для политической власти просто предлогом, чтобы победить противников, которых она находила столь грозными, что их трудно было поразить обычными средствами; разгром Ордена Тамплиеров служит самым известным примером, и это событие имеет прямое отношение к предмету настоящего исследования.

Глава II. FEDE SANTA[6]

В музее Вены имеется две медали, одна из которых представляет Данте, а другая—художника Петра из Пизы; обе имеют на оборотной стороне буквы F.S.K.I.P.F.T., которые Ару расшифровывает так: Frater Sacrae Kadosch, Imperialis Principatus, Frater Templarius.[7] Для первых трех букв эта интерпретация явно не корректна и не обнаруживает вразумительного смысла. Мы думаем, что надо читать: Fidei Sanctoe Kadosch. Союз «Fede Santa», в котором, вероятно, Данте был одним из руководителей, был Третьим Орденом (тринитариев), ведущим свое происхождение от тамплиеров, что и подтверждается названием «Frater Templarius» (храмовые братья), и его высшие чины носили титул «кадош» (древнееврейское слово, обозначающее «святой» или «посвященный»), сохранившийся вплоть до наших дней в высших степенях посвящения масонства. Отсюда ясно, что Данте не без основания в качестве гида в конце своего небесного путешествия[8] берет св. Бернара, основавшего Орден Тамплиеров. По-видимому, тем самым он хотел указать, что только через его посредничество в условиях его эпохи возможно получить доступ к высшей степени духовной иерархии.

Объясняя «Imperialis Principatus», может быть, не следует ограничиваться рассмотрением политической роли Данте, свидетельствующей о благосклонности имперской власти к организациям, к которым он принадлежал. Кроме того надо заметить, что «Священная Империя» обладает символическим значением, и даже сегодня еще в шотландском масонстве члены Высших Советов квалифицируются как чины «Священной Империи», а титул «Принц» входит в наименование довольно большого числа степеней. Более того, руководители различных организаций розенкрейцерского происхождения начиная с XVI века носят титул «Император». Есть основание думать, что «Fede Santa» во времена Данте представляет определенную аналогию с тем, что было позднее «Братством Розы и Креста», если оно не происходило из него более или менее непосредственно.

Мы нашли много других сопоставлений того же рода, и сам Ару обратил внимание на достаточно большое их число; один из существенных пунктов, которые он осветил, но не извлек из него все содержащиеся следствия, — это значение различных символических мест, описанных

Данте, и в особенности «небес». То, что представлено в этих местах, в действительности очень различно по своему состоянию, а небеса — это суть собственно «духовные иерархии», то есть степени посвящения; было бы интересно в этом отношении установить соответствие между концепциями Данте и Сведенборга, не говоря уже о некоторых теориях древнееврейской Каббалы и особенно исламского эзотеризма. Данте сам дал по этому поводу указание, достойное внимания: «Чтобы увидеть то, что подразумевается под третьим небом… говорю, что под небом подразумеваю науку, а под небесами — науки».[9] Но каковы на самом деле эти науки, которые надо подразумевать под символическим обозначением «небеса», и надо ли видеть здесь намек на «семь свободных искусств», которые Данте, впрочем, как и все его современники, так часто упоминает? Так думать позволяет то, что, согласно Ару: «Катары в XII веке имели как знаки отличия или пароль астрологическую доктрину: свои посвящения они производили в день весеннего равноденствия; их научная система основывалась на учении о соответствиях: Луне соответствовала грамматика, Меркурию — диалектика, Венере — риторика, Марсу — музыка, Юпитеру — геометрия, Сатурну — астрономия, Солнцу — арифметика или Просвещенный Разум». Таким образом, семи планетным сферам, которые и есть семь первых из девяти небес Данте, соответствовали семь свободных искусств, в точности те же самые, имена которых мы видим на семи ступенях поднимающейся слева Лестницы Кадош (30 степеней шотландского масонства). Восходящий порядок в этом последнем случае отличается от предшествующего лишь перестановкой, с одной стороны, риторики и логики (которые заменены здесь диалектикой) и, с другой стороны, геометрии и музыки. Кроме того, наука, соответствующая Солнцу, — арифметика, — занимает ранг, который обычно принадлежит этой звезде в астрологическом порядке планет, то есть четвертый, середину седьмицы, тогда как катары ее располагают на самом верху их Мистической Лестницы, как и Данте это делает для своей поднимающейся справа Веры (Emounah), то есть того самого таинственного «Fede Santa», в которой он сам был кадош.[10]

Однако следует сделать еще одно замечание по этому поводу: как получилось, что соответствия такого рода, составляющие подлинные степени посвящения, были применены к свободным искусствам, которым обучали официально и публично во всех школах? Мы думаем, что следует их рассматривать двумя различными способами: один экзотерический, а другой эзотерический. С любой светской наукой может быть сопоставлена

другая наука, которая относится, если угодно, к тому же предмету, но рассматривает его с более углубленной точки зрения и которая для этой светской науки есть то же самое, что высший смысл писаний для их буквального смысла. Можно еще сказать, что внешние науки предоставляют способ выражения для высших истин, потому что они сами суть только символ нечто такого, что принадлежит другому порядку, потому что, как сказал Платон, чувственное есть только отражение интеллигибельного. Феномены природы и события истории все имеют символическое значение в том, что они выражают что-то из тех начал, от которых они зависят, по отношению к которым они являются более или менее удаленными следствиями. Таким образом, всякая наука и всякое искусство может при соответствующем преобразовании получить истинную эзотерическую ценность. Почему выражения, заимствованные из свободных искусств, не могли бы играть в средневековых посвящениях роль, сходную с той, которую играет в умозрительном масонстве язык, заимствованный в искусстве строителей? Идем дальше: рассматривать вещи таким образом — это значит в результате сводить их к началу; следовательно эта точка зрения свойственна самой их сущности, а не является случайным добавлением. А если это так, то относящаяся к ней традиция не может ли восходить к самому истоку наук и искусств, в то время как исключительно светская точка зрения не будет ли совершенно современной, результатом общего забвения этой традиции?

Мы не можем здесь рассматривать этот вопрос во всех подробностях, которые он заключает в себе, но посмотрим, в каких словах сам Данте в комментарии, данном им к своей первой Канцоне, обозначает способ применения им правил некоторых свободных искусств: «O uomini, che vedere non potete la sentenza di questa Canzone, non la rifiutate pero; ma ponete mente alia sua bellezza, che e grande, si per costruzione, la quale si pertiene alli grammatici; si per I'ordine del sermone,che si pertiene alli rettorid; si per lo numero delle sue party,che si pertiene alli musici».[11] Нет ли в этом способе рассматривать музыку в отношении к числу, следовательно, как науку ритма во всех ее соответствиях, отзвука пифагорейской традиции? И не позволяет ли эта традиция понять «солнечную» роль, приписываемую арифметике, из которой она делает общий центр всех других наук, а также и те отношения, которые их связывают между собой, и в особенности музыку с геометрией через познание пропорций в формах (которое находит свое прямое применение в архитектуре) и с астрономией, через гармонию небесных сфер? Далее мы увидим, какое фундаментальное значение имеет символизм чисел в произведении Данте; и если этот символизм не является

исключительно пифагорейским, если в других доктринах он оказывается простым основанием того, что истина едина, то все же позволительно думать, что от Пифагора к Вергилию и от Вергилия к Данте «цепь традиции», несомненно, не прерывалась на земле Италии.

Глава III. МАСОНСКИЕ И ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Общие замечания, которые мы только что высказали, привели нас теперь к тем конкретным сопоставлениям, которые отметил Ару и которые выше мы уже упоминали:[12] «Ад представляет собою профанный мир. Чистилище заключает в себе испытания посвящения, Небо — это пребывание Совершенных, с которыми оказываются связанными и дошедшими до своего зенита разум и любовь… Небесный круг, начинается с alti Serafini («вышних Серафимов»), которые суть Principi celesti («Небесные начала»), и заканчивается в последних чинах Неба. Однако оказывается, что некоторые низшие степени шотландского масонства, которое ведет свое происхождение от тамплиеров и персонификацией которого в «Неистовом Орландо» Ариосто является шотландский принц Зербино, возлюбленный Изабеллы Галицкой, также имеют титулы принцев — Принцы де Мерси; что их собор или капитул называется Третье Небо; что в качестве символа у них Палладиум или статуя Истины, одежда которой трехцветная, как у Беатриче, зеленая, белая и красная,[13] что их Достопочтенный (титул которого Принц Светлейший, Его Превосходительство), держащий стрелу в руке и носящий на груди сердце в треугольнике,[14] есть персонификация Любви; что мистическое число девять, которое «Беатриче особенно любила» (Беатриче, «которую следует назвать Любовью», — говорит Данте в «Новой жизни»), также предназначено для этого «Достопочтенного», окруженного девятью колоннами, девятью подсвечниками с девятью ответвлениями и с девятью источниками света, возраст которого, наконец, восемьдесят один год (девять умножить на девять или, скорее, девятка в квадрате), и в то же время считается, что Беатриче умерла в восемьдесят первом году столетия».[15]

Эта степень Принц де Мерси, или Шотландский Тринитарий, является 26-й в Шотландском Уставе; вот что говорит Буйи в своем «Объяснении двенадцати гербовых щитов, которые представляют эмблемы и символы двенадцати философских степеней Шотландского Устава, называемого Старинным и Принятым» (от 19-го до 20-го): «Мы полагаем, что эта степень является самой неясной из всех, составляющих эту ученую категорию; ее называют также Шотландский Тринитарий.[16]

Действительно, все наводит на мысль в этой аллегории на эмблему Троицы: здесь три цвета (зеленый, белый и красный), и внизу этой фигуры Истины и повсюду указание на Великое Дело Природы (на фазы которого три цвета являются намеком), основные элементы металлов (сера, ртуть и соль),[17] их соединение и разделение (solve et coagula, растворение и коагуляция, развертывание и свертывание), одним словом, на науку минеральной химии (или, скорее, алхимии), которую основал Гермес в Египте и которая дала такую силу и распространение медицине (spagyrique).[18] Поистине определяющие науки счастья и свободы классифицированы и следуют друг за другом в том замечательном порядке, который доказывает, что Творец предоставил людям все то, что может исцелить их недуги и продолжить их земную жизнь.[19] И принципиально в этом числе три, равным образом представленном в трех углах Дельты, которую христиане сделали пылающим символом Божества, в этом, повторяю, числе три, которое восходит к самым давним временам,[20] ученый наблюдатель открывает первоначальный источник всего того, что поражает мысль, обогащает воображение и доставляет истинную идею социального равенства… Не перестанем же, достойные рыцари, оставаться Шотландскими Тринитариями, сохранять и прославлять число три как эмблему всего того, что составляет долг человека и одновременно напоминает о Троице, с любовью почитаемой нашим Орденом, выгравированной на колоннах наших Храмов: Вера, Надежда и Милосердие».[21]

Из этой цитаты особенно следует отметить то, что степень, о которой идет речь, как почти все то, что относится к этой же серии, представляет собою чисто герметическое значение;[22] и в этом отношении особенно следует отметить связь герметизма с рыцарскими орденами. Здесь не место искать исторические корни высших степеней шотландского масонства или обсуждать столь спорную теорию их происхождения от тамплиеров. Но какой бы не была преемственность, прямая и реальная или же только реконструированная, тем не менее достоверно, что большинство из этих степеней и также некоторые встречающиеся в других уставах являются как бы отпечатком организаций, некогда имеющих независимое существование,[23] а именно тех старинных рыцарских орденов, основание которых связывается с историей Крестовых походов, то есть эпохой, когда были не только враждебные отношения между Востоком и Западом, как думают те, кто придерживается одной лишь видимости, но также и активный интеллектуальный обмен, осуществлявшийся в особенности с

помощью этих орденов. Следует ли допускать, что они заимствовали на Востоке свои герметические данные, усвоенные ими, или же надо думать, что они с самого начала владели эзотеризмом такого рода, и что это их собственное посвящение сделало их готовыми вступить в отношения на этой почве с Востоком? Мы пока не претендуем на решение этого вопроса, но вторая гипотеза, хотя она реже рассматривается, чем первая,[24] ничего не имеет в себе невероятного, чтобы допустить существование в течение всех средних веков собственно западной традиции тайного знания, а это заставляет еще допустить тот факт, что ордена, основанные позже и никогда не имевшие отношения с Востоком, также обладают герметическим символизмом, как, например, орден Золотого Руна, само имя которого, является, насколько это возможно, прозрачным намеком на этот символизм. Как бы то ни было, во времена Данте в Ордене Храма (тамплиеров) герметизм существовал наверное, так же как и были известны некоторые доктрины заведомо арабского происхождения, которыми сам Данте не пренебрегал и которые он получил несомненно этим путем; далее мы это поясним.

Однако вернемся к соответствиям с масонством, упомянутым комментатором. Из них мы рассмотрели только лишь одну часть, так как имеется много степеней шотландского масонства, для которых Ару нашел совершенные аналогии с девятью небесами Данте, которые тот пересек с Беатриче. Вот соответствия, указанные для семи планетных небес: Луне соответствуют «мирские» (профаны); Меркурию — Рыцарь Солнца (28-я степень); Венере — Принц де Мерси (26-я степень, зеленое, белое и красное); Солнцу — Великий Архитектор (12-я степень), или Noachite'ы (21 — я); Марсу—Великий Шотландец Святого Андрея или Патриарх Крестовых Походов (29-я, красное с белым крестом), Юпитеру — Рыцарь белого и черного Орла или Кадош (30-я), Сатурну — Золотая Лестница, тоже Кадош. По правде говоря, некоторые из этих соотнесений кажутся нам сомнительными. Особенно неприемлемо делать из первого неба местопребывание профанов, место их может быть только во «тьме внешней». И, действительно, не показали ли мы выше, что именно Ад представляет собой профанный мир, в то время как различные небеса, включая небо Луны, достигаются только после того, как проходят испытания посвящения Чистилища? Конечно, мы хорошо знаем, что сфера Луны имеет особое отношение к Лимбу, но это совершенно другой аспект ее символизма, который не надо смешивать с тем, в котором она представлена как первое небо. Действительно, Луна есть одновременно и

Janua Coeli (Дверь на Небо) и Janua Inferni (Дверь в Ад), Диана и Геката,[25] древние это знали очень хорошо, и Данте тем более не мог в этом ошибаться и предоставлять профанам небесное пребывание, пусть оно будет и самым низшим из всех.

Гораздо менее спорной является идентификация символических фигур, встречающихся у Данте: крест в небе Марса, орел в небе Юпитера, лестница — Сатурна. Можно с уверенностью сопоставить этот крест с тем, который сперва был отличительным знаком рыцарских орденов и служит эмблемой многих масонских степеней. Он размещается в сфере Марса, и не служит ли это намеком на военный характер этих орденов, видимой причиной их существования, и на роль, которую они внешним образом играли в военных экспедициях Крестовых походов?[26] Что касается двух других символов, то невозможно не признать в них символы Кадош Тамплиера; и в то же время орел, которого уже классическая античность считала атрибутом Юпитера, как индусы считали его атрибутом Вишну,[27] был эмблемой древней Римской Империи (о чем нам напоминает присутствие Траяна в глазу этого орла), и он остается символом Святой Империи. Небо Юпитера есть местопребывание «мудрых и справедливых принцев»: «Diligita justitiam, qui judicatis terram»;[28] соответствие, которое, как и все остальные, придаваемые Данте другим небесам, объясняется полностью астрологическими причинами. Древнееврейское наименование планеты Юпитер—Tsedek, что означает «справедливый». Что касается лестницы Кадош, то мы уже об этом говорили: сфера Сатурна расположена непосредственно над сферой Юпитера, подножие этой лестницы достигает Справедливости (Tsedakah), а вершина — Веры (Emounah). Представляется, что этот символ лестницы имеет халдейское происхождение и привнесен на Запад вместе с мистериями Митры: тогда там было семь ступеней, каждая из которых была из другого металла, следуя соответствию металлов и планет; с другой стороны известно, что в библейском символизме тоже имеется лестница Иакова, соединяющая небо и землю, имеющая то же значение.[29]

«Согласно Данте, восьмое небо Рая, звездное небо (или скорее небо неподвижных звезд) — это небо Розенкрейцеров. Совершенные одеты здесь в белое; здесь они обнаруживают символизм, аналогичный Рыцарям Гередома (Chevaliers de Heredom),[30] последние исповедуют «евангелистическое учение» Лютера, противопоставляемое католическому римскому учению». Такова интерпретация Ару, со свойственным ему смешением двух областей, эзотеризма и экзотеризма: истинный эзотеризм

должен быть по ту сторону оппозиций, бытующих во внешних движениях профанного мира, и если эти движения внушаются или невидимо направляются тайными могущественными организациями, то можно сказать, что последние господствуют над ними, не вмешиваясь в них, таким образом, что они равно оказывают влияние на каждую из противостоящих партий. Правда, что протестанты, и в особенности последователи Лютера, обычно пользуются словом «Евангелическое», чтобы обозначить свое учение, но с другой стороны, известно, что печать Лютера имела в себе крест, в центре которого была роза; известно также, что организация розенкрейцеров, публично заявившая о себе в 1604 (с которой Декарт тщетно стремился установить отношения), объявила себя «антипапистской». Но мы должны сказать, что эти Роза и Крест (начала XVII века) были уж очень внешними и очень далеко отстояли от подлинных первоначальных Розы и Креста, никогда не составлявшими общества в собственном смысле этого слова. Что касается Лютера, то он, по-видимому, был всего лишь чем-то вроде второстепенного агента, без сомнения, весьма даже слабо осознающим роль, которую он должен играть; впрочем это никогда достаточно полно не объяснялось.

Как бы то ни было, белая одежда Избранных или Совершенных, очевидно напоминающая некоторые апокалиптические тексты,[31] нам кажется в большей мере намеком на костюм Тамплиеров; В этом отношении особое значение имеет следующее место:

Qual и colui che tace e dicer vuole,
Mi trasse Beatrice, e disse: mira
Quanto и il convento delle bianche stole![32]

Кроме того, эта интерпретация позволяет придать совершенно точный смысл выражению «святое воинство», рать, которое мы находим немного далее, в стихах, которые даже, как кажется, неявно выражают трансформацию тамплиерства после его видимого разрушения, дающего рождение розенкрейцерству:[33]

Так белой розой, чей венец раскрылся,
Являлась мне святая рать высот.
С которой агнец кровью обручился.

С другой стороны, чтобы лучше понять символизм, о котором идет речь в последней цитате из Ару, обратимся к описанию Небесного Иерусалима, как оно представлено в Капитуле Суверенных Принцев Розы и Креста, Ордена Геледома Кильвининга или Королевского Шотландского Ордена, называемого также Рыцари Орла и Пеликана: «В глубине (последней комнаты) есть картина, на которой изображена гора, откуда течет река, на берегу которой растет дерево с двенадцатью видами фруктов. На вершине горы есть цоколь, составленный из двенадцати слоев двенадцати драгоценных камней. Над этим цоколем квадрат из золота, на каждой стороне которого по три ангела, у каждого из них имя одного из двенадцати племен израилевых. В этом квадрате находится крест, в центре которого лежит агнец».[34] Итак, мы здесь находим апокалиптический символизм, и далее будет показано, в каком пункте циклические концепции, к которым он имеет отношение, тесно связаны с самим планом произведения Данте.

«В XXIV и XXV песнях Рая встречается тройной поцелуй Принца Розы и Креста, пеликан, белые туники, такие же, как у старцев Апокалипсиса, восковые печати, три теологических добродетели масонских капитулов (Вера, Надежда и Милосердие),[35] так как символический цветок розенкрейцеров («Белая роза» XXX и XXXI песен) был принят Римской Церковью как образ Матери Спасителя («Мистическая роза» литаний) и церковью Тулузы (альбигойцами) как мистическое изображение общего собора Братьев Любви. Эти метафоры были уже использованы павликианами, предшественниками катаров в X и XI веках».

Мы думаем, что воспроизвести все эти, весьма интересные, сходства полезно и что их еще можно было бы, без сомнения, и умножить без труда, но тем не менее не следует, за исключением, вероятно, случая с тамплиерами и розенкрейцерами, стремиться делать отсюда слишком строгие выводы о том, что касается прямой преемственности различных форм посвящения, между которыми наблюдается определенная общность символов. Действительно, не только основание учений всегда и повсюду одно и тоже, но, более того, что может казаться еще более удивительным на первый взгляд, способы выражения сами представляют часто поразительное сходство, в том числе и для традиций, слишком удаленных друг от друга во времени или в пространстве, чтобы можно было предположить непосредственное влияние их друг на друга. В таком случае для того, чтобы открыть эффективную связь, надо было бы идти гораздо

далее, чем позволяет нам это сделать история.

Но, с другой стороны, такие комментаторы, как Россети и Ару, изучая символизм произведения Данте так, как они это делают, придерживаются аспекта, который мы можем квалифицировать как внешний. Можно сказать, что они останавливаются на том, что мы предпочли бы назвать ритуальной стороной, то есть на формах, которые для тех, кто не способен идти дальше, скорее скрывают глубинный смысл, нежели его обнаруживают. И как очень справедливо было отмечено, «естественно, что так получается, потому что, чтобы иметь возможность схватить и понять намеки и конвенциональные или аллегорические отсылки, надо знать объект намека или аллегории; а в данном случае надо знать мистические испытания, через которые проходил во время настоящего посвящения мист или эпопт. Для того, кто имел некоторый опыт такого рода, нет никакого сомнения в существовании метафизико-эзотерической аллегории в «Божественной Комедии» и в «Энеиде», которая одновременно скрывает и представляет последовательные фазы, через которые проходит сознание посвящаемого, чтобы достичь бессмертия».[36]

Глава IV. ДАНТЕ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВО

Тот же упрек в недостаточности, который мы сформулировали по отношению к Россети и Ару, можно адресовать и Элифасу Леви, который, утверждая связь с античными мистериями, видел прежде всего политическое или политико-религиозное применение, по нашему мнению, имеющее лишь второстепенное значение, и который все время ошибочно предполагал, что тайные в собственном смысле слова организации прямо замешаны во внешней борьбе. Вот что говорит этот автор в своей «Истории магии»: «Число комментаторов и исследований произведения Данте умножилось, и никто, насколько нам известно, не указал на его истинный характер. Произведение великого гибеллина есть объявление войны папству через дерзкое раскрытие мистерий. Эпопея Данте иоаннитская[37] и гностическая; это дерзкое применение фигур и чисел Каббалы к христианским догмам и тайное отрицание всего того, что есть абсолютного в этих догмах. Его путешествие через сверхъестественные миры происходит как посвящение в Элевсинские и Фивские мистерии. Вергилий охраняет и водит его по кругам нового Тартара, как если бы Вергилий, нежный и меланхолический пророк судеб сынов Поллиона, был в глазах флорентийского поэта незаконным, но настоящим отцом христианской эпопеи. Благодаря языческому гению Вергилия Данте избегает той пропасти, над входом в которую он прочел приговор отчаяния; он ее избегает, становясь с ног на голову, то есть принимая догму в обратном порядке, в таком случае он восходит к свету, воспользовавшись услугами самого дьявола как бы чудовищной лестницей; он избегает страшного силой страшного же, ужасного — силой ужаса. Ад кажется тупиком только для тех, кто не знает, как возвращаться; он принимает дьявола наоборот (против шерсти, если позволительно будет такое фамильярное выражение) и освобождается от него своей отвагой. Это уже превзойденный протестантизм, и поэт, враг Рима, уже разгадал Фауста, поднимающегося на Небо на голове побежденного Мефистофеля».[38]

На самом же деле желание «раскрыть мистерии» предполагает, что это возможно (а это не так, потому, что истинная мистерия невыразима), а мнение, что можно «принять догму наоборот» или сознательно

перевернуть смысл и значение символов, не свидетельствует об очень высокой степени посвящения. К счастью, у Данте мы ничего такого не видим, эзотеризм его, напротив, окутан довольно таки непроницаемой завесой, одновременно с тем, что он опирается на строго традиционные основания; делать же из него предвестника протестантизма, может быть, даже революции просто потому, что он был противником папства на политической почве, это значит полностью не понимать его мышления и ничего не понимать в духе его эпохи.

Есть еще нечто, что нам представляется трудно отстаивать: мнение о том, что Данте был «каббалистом» в собственном смысле слова; здесь мы в особенности должны остерегаться, потому что мы знаем, что слишком многие из наших современников легко создают себе иллюзии по этому поводу, полагая найти Каббалу повсюду, где имеется хоть какая-нибудь форма эзотеризма. Не встречали ли мы масонского писателя, с важностью утверждавшего, что Каббала и Рыцарство — это одно и то же и, вопреки самым элементарным лингвистическим понятиям, что оба слова имеют одно и то же происхождение?[39] Перед лицом таких неправдоподобных утверждений понятна необходимость быть осмотрительным и не довольствоваться несколькими смутными сходствами для того, чтобы делать из того или иного каббалиста; ведь Каббала — это прежде всего древнееврейская традиция,[40] и у нас нет никаких доказательств того, что на Данте оказывалось непосредственное еврейское влияние.[41] Это мнение родилось исключительно лишь из-за использования им науки чисел; но если эта наука действительно существует в древнееврейской Каббале и занимает там одно из самых важных мест, то она находится также и в других местах; не станут ли также утверждать, под этим же предлогом, что Пифагор был каббалистом?[42] Как мы уже говорили, Данте можно связать скорее с пифагореизмом, чем с Каббалой в этом отношении, который, весьма вероятно, знал из иудаизма прежде всего то, что сохранило в своем учении христианство.

«Заметим также, — продолжает Элифас Леви, — что Ад Данте есть только негативное Чистилище. Объясним это: его Чистилище кажется отлитым в Аду как в форме, это крышка и как бы пробка бездны, и понятно, что флорентийский титан, взбираясь по ступеням в Рай, хотел бы ударом ноги отбросить Чистилище в Ад». В некотором смысле это правда, потому что гора Чистилища была образована на звездной полусфере из материалов, выброшенных из недр земли, когда образовалась бездна от падения Люцифера; но тем не менее в Аду девять кругов, которые

являются как бы обратным отражением девяти небесных сфер, тогда как в Чистилище только семь подразделений; следовательно, нет точной симметрии во всех отношениях.

«Его Небо состоит из серии каббалистических кругов, разделенных крестом как пантакль Иезекииля; в центре этого креста цветет роза, мы впервые видим появление, публичное обнаружение и разъяснение почти категорическое символа розенкрейцеров». Впрочем, в эту же самую эпоху этот символ появился также в другом поэтическом знаменитом произведении, хотя может быть менее явным образом: в Романе о Розе. Элифас Леви думает, что «Роман о Розе и Божественная Комедия — это две противоположные формы (было бы более правильно сказать, дополнительные) одного и того же произведения: посвящение в независимость духа, сатира на все современные институты и аллегорическая формула великих тайн Общества розенкрейцеров», которое, по правде говоря, еще не носило это имя, и более того, повторяем, никогда не было (за исключением некоторых поздних и более или менее отклоняющихся ветвей) «обществом», конституированным в соответствии с внешней формой, которую предполагает это слово. С другой стороны, «независимость духа» или, лучше сказать, интеллектуальная независимость не была в средние века вещью такой исключительной, как это воображают себе обычно современные люди, и сами монахи не отказывались от довольно свободной критики, проявления которой можно найти в скульптурах соборов; все это не имеет ничего собственно эзотерического, в произведениях же, о которых идет речь, есть нечто гораздо более глубокое.

«Эти важные манифестации оккультизма, — говорит также Элифас Леви, — совпадают с эпохой падения тамплиеров, потому что Жан де Мен, или Клопинель, современник старости Данте, свои лучшие годы провел при дворе Филиппа Красивого. Это глубокая книга в легкой форме,[43] это раскрытие тайн оккультизма столь же сведущее, что и у Апулея. Роза Фламеля, роза Жана де Мена и роза Данте родились на одном и том же розовом кусте».[44]

Относительно этих строк мы сделаем только одно замечание: слово «оккультизм», изобретенное самим Элифасом Леви, очень мало подходит для обозначения того, что существовало до него, в особенности если имеют то, чем стал современный оккультизм, который выдавая себя за реставрацию эзотеризма, достиг только того, что стал грубой подделкой, потому что его руководители никогда не владели истинными принципами

никакого серьезного посвящения. Без сомнения Элифас Леви был первым, кто не признал тех, кто претендовал быть его последователем и которых он, конечно, интеллектуально превосходил намного, но будучи реально весьма далек от того, чтобы быть таким глубоким, каким он хотел казаться, постоянно заблуждаясь в том, что все рассматривал исходя из образа мысли революционера 1848 года. Если мы немного остановились на том, чтобы обсудить его мнение, то потому, что знаем, насколько велико было его влияние даже на тех, кто почти совсем его не понял, и мы думаем, что надо определить границы, в которых может признаваться его компетенция: его принципиальной ошибкой было — и это была ошибка его времени — ставить на первый план социальные занятия и примешивать их ко всему без различия; в эпоху же Данте гораздо лучше умели отвести каждой вещи ее место, которое нормальным образом ей должно отводить в универсальной иерархии.

Для истории эзотерических доктрин особый интерес представляет утверждение, что многие важнейшие манифестации этих доктрин совпадают с разгромом Ордена Тамплиеров с точностью до нескольких лет; здесь, несомненно, есть связь, хотя ее трудно достоверно определить между этими различными событиями. Итак, в первые годы XIV века и, без сомнения, уже и в предшествующем веке как во Франции, так и в Италии была тайная традиция («оккультная», если угодно, но не «оккультистская»), а именно та, которая позже должна была носить имя розенкрейцерской. Наименование «Братство Розы и Креста» появилось в первый раз в 1374 или даже (согласно некоторым авторам, а именно Мишелю Майеру) в 1413; легенда же о Христиане Розенкрейцере, предполагаемом основателе его, имя которого и жизнь являются чисто символическими, окончательно было создана, вероятно, лишь в XVI веке; но мы уже видели, что сам символ Розы и Креста значительно более ранний.

Эта эзотерическая доктрина, какое бы ни хотели ей дать конкретное название, существовавшая до появления розенкрейцерства в собственном смысле этого слова (если считают, что ей необходимо дать какое-нибудь название), обладает чертами, позволяющими ее поместить в тот разряд, что называется довольно обобщенно герметизмом. История этой герметической традиции тесно связана с историей рыцарских орденов; в эпоху, о которой идет речь, она сохранялась тайными организациями, такими, как, Fede Santa (Святая Вера) и Fideles d'Amour (Верные Любви), а также Massenie du Saint Graal (Строительство Святого Грааля), о которой историк Анри Мартен говорит[45] как раз о рыцарских романах, которые

являются еще одним из значительных литературных манифестаций эзотеризма средних веков: «В «Титуреле» (Titurel) легенда о Граале достигает своего последнего и блестящего преображения под влиянием идей, которые Вольфрам,[46] по-видимому, черпал во Франции и в особенности на юге Франции. Совсем не на острове Британии, но в Галлии, на границе с Испанией был сохранен Грааль. Герой по имени Титурель основывает храм, чтобы хранить там святой Сосуд, прорицатель Мерлин руководит этим таинственным строительством, посвященный лично Иосифом Аримафейским в тайну плана Храма по преимуществу, то есть Храма Соломона.[47] Рыцарство Грааля стало здесь Строительством (Massenie), то есть аскетическим франкмасонством, члены которого называли себя «храмовниками» (Templistes); здесь можно уловить намерение привязать к одному общему центру, образованному этим идеальным Храмом, Орден Тамплиеров и многочисленные братства строителей, которые обновляли в то время средневековую архитектуру. В этом хорошо видны те начала так называемой подземной истории этого времени, гораздо более сложные, чем обычно полагают… Особенно любопытно и в чем почти нельзя сомневаться — это то, что современное франкмасонство восходит ступенька за ступенькой до Строительства Святого Грааля».[48]

Может быть, было бы неосторожно принять без оговорок мнение, высказанное в последней фразе, потому что связи современного масонства с предшествующими организациями тоже очень сложные, но хорошо также было бы учесть и это, так как здесь можно увидеть по меньшей мере указание на один из реальных истоков масонства. Все это может помочь в некоторой мере понять средства передачи эзотерических учений в средние века, равно как и неясную преемственность в этот же период времени инициатических организаций, когда они были действительно тайными в самом полном смысле этого слова.

Глава V. ВНЕЗЕМНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Большинство комментаторов очень были заняты вопросом об истоках концепции Данте схождения в Ад, и именно в этом пункте четче всего проявилась некомпетентность тех, кто исследовал эти вопросы с совершенно профанной точки зрения. В действительности здесь есть нечто, что можно понять только с помощью знания фаз реального посвящения, что мы сейчас и попытаемся объяснить.

Несомненно, если Данте в качестве своего вожатого в двух первых частях своего путешествия избирает Вергилия, то главная причина этого, конечно, как все и признают, — это воспоминание о VI песне Энеиды; но следует добавить, что не потому, что здесь, у Вергилия, содержится простая поэтическая фикция, а потому что присутствует свидетельство несомненного тайного знания. Не без причины в средние века была распространена практика гаданий по текстам Вергилия (sortes virgilianoe); и если из Вергилия хотели сделать мага, то это всего лишь экзотерическая и популярная искаженная версия глубокой правды; те же, кто сближал его произведение со священными Книгами, возможно, лучше чувствуют его, чем могут это выразить, но использовалось это лишь в гадании, что имеет относительный интерес.

С другой стороны, нетрудно заметить, что сам Вергилий, в том, что нас здесь занимает, имел предшественников среди греков, можно напомнить в этом отношении путешествие Одиссея в страну теней, а также нисхождение Орфея в Ад. Но не доказывает ли такая согласованность во всем, что это только серия заимствований и последовательных подражаний? Истина заключается в том, что все это имеет самую тесную связь с мистериями античности и что эти различные поэтические повествования или легенды суть лишь передача одной и той же реальности: золотая ветвь, которую Эней, ведомый Сивиллой, сорвал перед этим в лесу (в этой же самой «selva selvaggia», с которой и Данте тоже начинает свою поэму), это та же ветка, которую несли посвященные Элевсинских таинств и которая напоминает нам также акацию современных масонов, «залог воскресения и бессмертия». Более того, и само христианство представляет нам подобный символ: в католической литургии святую неделю открывает Праздник Ветвей[49] (неделя Ваий), в

которой произойдет смерть Христа и его схождение в Ад, затем его воскресение, за которым вскоре последует его вознесение со славою, и рассказ Данте начинается как раз с понедельника, как бы для того, чтобы отметить, что в сумрачный лес, где встретился Вергилий, он устремился именно в поисках мистической ветви.

Смерть и нисхождение в Ад, с одной стороны, воскресение и вознесение на Небеса, с другой — суть дополняющие друг друга и обратные друг другу фазы, из которых первая есть необходимая подготовка ко второй и которую без труда также найдут в описании «Великого Дела» герметистов, и то же самое отчетливо утверждается во всех традиционных учениях. Так и в исламе мы встречаем эпизод «ночного путешествия «Мухаммеда, также включающий нисхождение в инфернальные места (isra), а затем восхождение в различные рай или небесные сферы (miraj); определенные черты этого «ночного путешествия» представляют с поэмой Данте до такой степени поразительное сходство, что некоторые исследователи хотели в нем видеть один из принципиальных источников вдохновения поэта. Дон Мигель Азин Паласиос показал множество отношений, существующих как по сути, так и по форме между Божественной Комедией (не говоря даже о некоторых местах Vita Nuova и Convito — «Новая жизнь» и «Пир»), с одной стороны, и с другой — Kitab el-isra (Книга ночного Путешествия) и Futuhat el-Mekkiyah (Мекканские Откровения) Мухиддина ибн Араби, более ранними, примерно на восемьдесят лет, произведениями. Он пришел к выводу, что таких аналогий только в этих книгах гораздо больше, чем всех тех, которые удалось установить комментаторам между произведениями Данте и всей литературой всех стран.[50] Вот некоторые примеры: «В изложении мусульманской легенды волк и лев преграждают дорогу паломнику, как пантера, лев и волчица заставляют отступить Данте… Вергилий ведет Данте и Гавриил Мухаммеда на Небо; оба во время путешествия удовлетворяют любопытство странника. В обеих легендах Ад предвещается одинаковыми знаками: неистовый и неопределенный шум, шквалы огня… Архитектура дантова Ада повторяет строение мусульманского Ада; и тот и другой представляют собой гигантскую воронку, образованную из серии этажей, ступеней или круглых уступов, которые постепенно спускаются до глубины земли; каждый из них содержит в себе определенную категорию грешников, виновность и наказание которых отягощаются по мере спуска на нижний круг. Каждый этаж подразделяется еще на несколько других, предназначенных для различных вариантов категорий грешников; наконец, оба Ада

расположены под городом Иерусалимом… Чтобы очиститься при выходе из Ада и иметь возможность подняться в Рай, Данте подвергается тройному омовению. И также тройное омовение очищает души в мусульманской легенде: прежде чем попасть на Небо, они последовательно погружаются в воды трех рек, которые омывают и питают сад Авраама… В обоих легендах архитектура небесных сфер, через которые происходит вознесение, тождественна. На девяти небесах в соответствии с заслугами размещены души блаженных, которые к концу все собираются в Эмпирее или в последней сфере… Так же как Беатриче исчезает перед святым Бернаром, который руководит им на последнем этапе, также и Гавриил оставляет Мухаммеда у престола Бога, куда тот привлечен сияющей гирляндой… Окончательный апофеоз обоих вознесений один и тот же: оба путешественника, вознесенные к месту присутствия Бога, описывают нам Бога как интенсивный центр света, окруженный девятью концентрическими кругами, образованными тесными бесчисленными вереницами ангельских духов, излучающих светящиеся лучи; тот ряд, который ближе всего вращается вокруг центра, — это херувимы; каждый круг окружен непосредственно предшествующим ему низшим кругом, и все девять вращаются без конца вокруг божественного центра… Инфернальные этажи, астрономические небеса, круги мистической розы, ангельские хоры, окружающие очаг божественного света, три круга, символизирующие троичность лиц, — все это заимствовано слово в слово флорентийским поэтом у Мухиддина ибн Араби».[51]

Такие совпадения вплоть до точного повторения деталей не могут быть случайными, и мы имеем основание предположить, что Данте действительно был вдохновлен в значительной мере повествованием Мухиддина, но как он с ним познакомился? Возможным посредником считают Брунетто Латини, бывавшего в Испании, но эта гипотеза нам кажется неудовлетворительной. Мухиддин родился в Мурсие, откуда его имя Эль-Андалузи, но не вся его жизнь прошла в Испании, умер он в Дамаске; с другой стороны, его ученики были рассыпаны по всему исламскому миру и в особенности в Сирии и Египте, и, наконец, мало вероятно, чтобы его произведения в то время были известны широкой публике, некоторые из них даже никогда не были известны.

На самом деле Мухиддин был вовсе не «мистический поэт», как это воображает М. Азин Паласиос; здесь следует сказать, что в исламском эзотеризме он носит имя Esh-Sheikh el-akbar, то есть величайший из духовных Учителей, Учитель по преимуществу, что его учение является чисто метафизическим и что многие главные тайные ордена Ислама, среди

которых самые высокие являются в то же время и самыми закрытыми, происходят прямо из него. Мы уже отмечали, что такие организации в XIII веке, то есть в эпоху Мухиддина, были связаны с рыцарскими орденами, и мы полагаем, что именно этим объясняется эта достоверная передача; если же дело происходило иначе и Данте знал Мухиддина через профанные каналы, то почему он его никогда не называет, как он называет экзотерических философов ислама, Авиценну и Аверроэса?[52] Более того, признано, что в происхождении розенкрейцерства лежат исламские влияния, на это намекают предполагаемые путешествия Христиана Розенкрейца на Восток, но реальные истоки розенкрейцерства, как мы уже сказали, — это как раз рыцарские ордена и как раз они осуществляли в средние века истинную интеллектуальную связь между Востоком и Западом.

Современная западная критика, считающая «ночное путешествие» Мухаммеда лишь более или менее поэтической легендой, полагает, что в этой легенде ничего нет специфически арабского и исламского, но что она имеет персидское происхождение, потому что рассказ о подобном путешествии имеется в маздаистской книге Arda Viraf Nameh.[53] Некоторые думают, что надо восходить еще далее, до Индии, где действительно встречается как в брахманизме, так и в буддизме множество символических описаний различных состояний существования в форме иерархически организованных Небес и Ада; некоторые даже доходят до того, что предполагают, что Данте мог испытать индийское влияние непосредственно.[54] Для тех, кто видит во всем этом лишь «литературу», такой способ рассмотрения понятен, хотя довольно трудно даже с чисто исторической точки зрения предположить, что Данте мог, что-либо знать об Индии иначе, чем через посредство арабов. Но для нас это сходство свидетельствует только о единстве доктрины, содержащейся во всех традициях; нет ничего удивительного в том, что мы повсюду находим выражение тех же самых истин, но чтобы не удивляться, надо как раз знать, что это истины, а не более или менее произвольные фикции. Там, где есть сходство общего порядка, не следует заключать, что существует прямая коммуникация, такое заключение было бы правильным, если бы одни и те же идеи были выражены в одних и тех же формах, как это и есть в случае с Мухиддином и Данте. Верно, что то, что мы находим у Данте, в совершенстве согласуется с индийскими теориями миров и космических циклов, но однако без того, чтобы быть облеченными в форму собственно индийскую, а подобное согласие существует с необходимостью у всех тех,

кто знает одни и те же истины, каков бы ни был способ, каким они приобрели это знание.

Глава VI. ТРИ МИРА

Различение трех миров, которое определяет общий план Божественной Комедии, является общим для всех традиционных учений; но оно бывает различной формы, и в самой Индии есть две не совпадающие, но и не противоречащие друг другу формы, но просто соответствующие различным точкам зрения. Согласно одному из этих разделений три мира суть Ад, Земля и Небеса; согласно другому, в котором Ад не рассматривается, — это Земля, Атмосфера (или район-посредник) и Небо. Надо предполагать, что в первом разделении район-посредник рассматривается как простое продолжение земного мира; и точно таким же у Данте является Чистилище, которое можно идентифицировать с этим районом. Второе разделение в точности эквивалентно различению католическим учением Церкви сражающейся, Церкви страдающей и Церкви торжествующей; здесь тем более не может быть речи об Аде. Наконец, рассматриваются и дальнейшие подразделения Небес и Ада, численно различающиеся, но во всех случаях всегда идет речь об иерархическом распределении степеней существования, которых реально неопределенное множество и которые могут быть классифицированы различным образом согласно аналогичным соответствиям, принимаемым в качестве основания символического представления.

Небеса суть высшие состояния бытия; Ад, как, впрочем, и означает само его имя (les Enfers), — это низшие состояния, но когда мы говорим «высшие и низшие», то это должно пониматься по отношению к человеческому или земному состоянию, которое, естественно, принимается как исходная величина для сравнения, потому что именно она с принудительной силой должна служить нам точкой отсчета. Если истинное посвящение — это сознательное овладение высшими состояниями, то легко понять, что оно должно символически быть описано как вознесение, или «небесное путешествие»; но можно спросить себя, почему этому вознесению должно предшествовать нисхождение в Ад. Для этого есть много причин, о которых мы не можем исчерпывающим образом говорить, не приводя слишком длинные рассуждения, способные завести нас очень далеко от предмета нашего исследования; отметим только следующее: с одной стороны, это нисхождение есть как бы беглое повторение состояний, логически предшествующих человеческому состоянию, которые определяют особые условия и которые также должны участвовать в

«превращении», должном затем произойти; с другой стороны, оно позволяет проявить, следуя определенным модальностям, возможности низшего порядка, которые бытие еще несет в себе в неразвитом состоянии и которые должны быть исчерпаны им прежде, чем было бы возможно достичь реализации высших состояний. Впрочем, следует заметить, что в действительности речь не идет о том, чтобы бытие вернулось к уже пройденным состояниям; эти состояния можно исследовать лишь непрямо, осознавая следы, оставленные ими в самых темных районах самого человеческого состояния; и именно поэтому Ад символически представляется расположенным внутри Земли. Напротив, Небеса суть реально высшие состояния, а не только их отражение в человеческом состоянии, самое возвышенное продолжение которого образует только лишь опосредующий район или Чистилище, гору, на вершине которой Данте располагает земной Рай. Реальная цель посвящения — это не только восстановление «райского состояния», которое было только этапом на пути, ведущем еще дальше, потому что как раз за этим этапом начинается по-настоящему «небесное путешествие»; эта цель состоит в активном завоевании «сверхчеловеческих» состояний, так как — и Данте повторяет это вслед за Евангелием — «Небесное Царство силой берется…»[55] и в этом состоит одно из существенных отличий между посвященными и мистиками. Объясняя это иным образом, можно сказать, что человеческое состояние должно быть прежде приведено к полноте своего раскрытия через интегральную реализацию своих собственных возможностей (и эта полнота есть то, что следует понимать под «райским состоянием»); но это далеко не конец, это еще только основание, на которое опирается бытие, чтобы «salire alle stelle»[56] («посетить светила»), то есть чтобы подняться к высшим состояниям, которые представляют планетарные и звездные сферы на языке астрологии, а на языке теологии — ангельские иерархии. Следовательно, есть два периода в восхождении, но первый, по правде говоря, есть восхождение только по отношению к обычной человечности; высота горы, какова бы она не была, всегда ничто по сравнению с дистанцией, разделяющей Землю от Неба; следовательно, в реальности это скорее расширение, потому что это полный расцвет человеческого состояния. Развертывание возможностей всеобщего бытия, таким образом, сперва осуществляется «вширь», а затем в направлении «превознесения» («экзальтации»), если воспользоваться термином, заимствованным из исламского эзотеризма; добавим еще, что это различение на два периода соответствует античному разделению на «малые мистерии» и «большие

мистерии».

Три фазы, с которыми соответственно соотносятся три части Божественной Комедии, могут быть еще объяснены при помощи индуистской теории трех гун, которые суть качества или, скорее, фундаментальные тенденции, предшествующие всякому проявленному бытию; в зависимости от того, какая из этих тенденций в существах доминирует, они и распределяются иерархически в ансамбле трех миров, то есть по всем степеням универсального существования. Три гуны таковы: саттва соответствует чистой сущности Бытия, которая тождественна свету познания, символизируемому свечением небесных сфер, которые представляют собою высшие состояния; раджас — это импульс, который производит распространение бытия в определенное состояние, такое, как человеческое состояние, или, если угодно, развертывание этого бытия на определенном уровне существования; наконец, тамас — темнота, уподобляемая невежеству, темный корень бытия, рассматриваемого в этих низших состояниях. Таким образом, саттва, или восходящая тенденция, относится к высшим и светящимся состояниям, то есть к Небесам, а тамас, или нисходящая тенденция, — к низшим и темным состояниям, то есть к Аду; раджас, который можно представить через расширение в горизонтальном направлении, соотносится с промежуточным миром, который и есть здесь «мир человека», потому что именно нашу степень существования мы принимаем как предел для сравнения, которую следует рассматривать как включающую в себя Землю с Чистилищем, то есть ансамбль телесного и психического мира. Можно видеть, что это в точности соответствует первому из двух способов деления на три мира, о которых мы до этого говорили; переход от одного к другому из этих трех миров может быть описан как результат изменения общего направления Бытия или изменения гуны, которая, господствуя в нем, определяет это направление. Существует ведический текст, в котором представлено, каким образом три гуны обращаются одна в другую, следуя восходящему порядку: «Все было тамас: Он (Верховный Брама) повелел быть изменению, и тамас принял окраску (то есть природу) раджаса (среднюю между темнотой и яркостью); раждас, получив новое повеление, облекся в природу саттвы». Этот текст дает как бы схему организации трех миров начиная с первичного хаоса возможностей и согласно с общим порядком порождения и последовательности циклов универсального существования. Впрочем, каждое существо, чтобы реализовать все свои возможности, должно пройти в том, что в особенности его касается, через состояния, соответствующие этим различным циклам; вот почему посвящение,

имеющее своей целью тотальное осуществление бытия, с необходимостью проходит через те же фазы: процесс посвящения тщательно воспроизводит космогонический процесс согласно основополагающей аналогии между Макрокосмом и Микрокосмом.[57]

Глава VII. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЧИСЛА

Прежде чем перейти к рассмотрению теории космических циклов, мы должны сделать несколько замечаний о роли символики чисел в произведении Данте. В работе профессора Родольфо Бенини[58] мы нашли об этом очень интересные замечания, однако он не извлек всех тех выводов, которые, как нам кажется, можно было извлечь. Эта работа представляет собою исследование первоначального плана Ада, предпринятое исключительно с литературной точки зрения, но те утверждения, к которым на деле приводит это исследование, имеет гораздо большее значение.

Согласно Бенини, три пары чисел имеют для Данте символическую ценность по преимуществу — это 3 и 9, 7 и 22, 515 и 666. Что касается первых двух чисел, то здесь нет никакой трудности: все знают, что общее деление поэмы троичное, и мы только что объяснили глубинные причины этого; с другой стороны, мы уже отмечали, что девятка — это число Беатриче, как мы это видим в «Новой Жизни». К тому же число 9 прямо связано с предшествующим, потому что его квадрат, можно его назвать утроенной троичностью, — это число ангельских иерархий, следовательно, число Небес, и оно же число адских кругов, так как между Небесами и Адом существует определенное обратное отношение симметрии. Что касается числа 7, которое мы встречаем, в особенности в делении Чистилища, то во всех традициях оно считается одинаково священным, и мы не думаем, что здесь следует перечислять все случаи его применения. Напомним лишь как одно из главнейших его значений — семь планет, — которое служит основой множеству соответствий по аналогии (мы видели это уже на примере семи свободных искусств). Число 22 связано с 7 через отношение 22: 7, приблизительно выражающее отношение окружности к диаметру, таким образом, вместе эти два числа представляют круг, который для Данте, как и для пифагорейцев, есть самая совершенная фигура (и все деления каждого из трех миров имеют форму круга); более того, число 22 связано с двумя «элементарными движениями» аристотелевской физики: локальным движением, представленным в числе 2, и изменением, представленным числом 20, как сам Данте это объясняет в «Convito».[59] Такова интерпретация этих двух чисел, данная Бенини; признавая, что она совершенно правильная, мы должны сказать тем не менее, что это число нам не кажется столь фундаментальным, как думает

он, оно нам даже представляется производным от другого, которое тот же автор упоминает лишь как второстепенное, тогда как на самом деле оно имеет самое большое значение: это число 11, от которого 22 есть только произведение.

Мы хотим на этом немного остановиться, но прежде следует сказать, что этот пробел нас тем более удивляет у Бенини, что вся его работа опирается на следующее наблюдение: в Аду большинство завершенных сцен или эпизодов, на которые подразделяются разные песни, включают в точности одиннадцать или двадцать две строфы (некоторые только десять); имеется также несколько введений и завершений по семь строф, и если эти пропорции не всегда в точности соблюдаются, то только потому, что первоначальный план Ада был впоследствии изменен. Если учесть это, то почему нельзя рассматривать число 11 по меньшей мере столь же важным, как и 22? Эти два числа соединены еще в размерах, обозначающих пределы «bolgie», окружности которого соответственно 11 и 22 мили, но не есть ли 22 всего лишь произведение от 11, числа, внутренне присущего поэме? Есть также число 33, это число песен, на которые разделяется каждая из трех частей; только Ад имеет 34, но первая — это скорее общее введение, восполняющее общее число до ста, относящееся ко всему произведению. С другой стороны, имея в виду то, что такое был для Данте ритм, можно предположить, что он выбрал стих из одиннадцати слогов не случайно, также не случайна строфа из трех стихов, которая напоминает нам о троичности; каждая строфа имеет 33 слога, так же совокупность из 11 и 22 строф, о которых только что шла речь, содержат соответственно 33 и 66 стихов; различные произведения от 11, которые мы здесь находим, все имеют особое символическое значение. Следовательно, совершенно недостаточно ограничиваться, как это делает Бенини, тем, чтобы поместить 10 и 11 между 7 и 22, чтобы образовать «тетрахорд, который имеет отдаленное сходство с греческим тетраходом», и объяснить который кажется нам несколько затруднительным.

И в действительности число 11 играло значительную роль в символизме некоторых тайных организаций; что же касается его произведений, то мы напомним только следующее: 22 есть число букв еврейского алфавита, известно какое он имеет значение в Каббале; 33 есть число лет земной жизни Христа, которое встречается в символическом возрасте масонского Розенкрейца, а также в числе степеней шотландского масонства; у арабов 66 — это общее числовое значение имени Аллах, а 99 — это число главных божественных атрибутов согласно исламской традиции; можно найти, без сомнения, еще много других сопоставлений.

Вне этих различных значений, которые можно связать с 11 и его произведениями, использование, придаваемое ему Данте, составляет настоящий «знак отличия» в самом точном смысле этого слова; в этом и состоит, по нашему мнению, причина изменений, произошедших с Адом после первой редакции. Среди мотивов, которые могли вызвать эти изменения, Бенини рассматривает некоторые перемены в хронологическом и архитектоническом плане произведения, несомненно, возможные, но нам они не кажутся четко доказанными. Но он упоминает также «новые факты, которые хотел учесть поэт в системе пророчеств», и здесь, как нам кажется, он приближается к истине, в особенности когда добавляет: «например, смерть папы Клемента V, произошедшая в 1314, когда «Ад» в первой редакции должен быть уже закончен». В действительности истинное основание, по нашему мнению, — это события, которые имели место от 1300 до 1314, то есть разгром Ордена Тамплиеров и его различные последствия;[60] и Данте, впрочем, не мог не указать на эти события, когда, предсказывая преступления Филиппа Красивого устами Гуго Капета после рассказа об оскорблении, которое тот перенес «о Христе и его викарии», он продолжает в следующих словах:[61]

Я вижу — это все не утолило
Новейшего Пилата; осмелев,
Он в храм вторгает хищные ветрила.

И еще более удивительно то, что следующая строфа прямым текстом содержит Nekam Adonai[62] Тамплиеров-Кадош:

Когда ж, господь, возвеселюсь, узрев
Твой суд, которым, в глубине безвестной,
Ты умягчаешь твой сокрытый гнев?[63]

Конечно же, в этом состоят «новые факты», которые должен был учитывать Данте, и совершенно по иным мотивам, чем можно было бы подумать, если не знать природу организаций, к которым он принадлежал. Эти организации, которые произошли из ордена Тамплиеров и которые должны были вобрать в себя часть его наследства, вынуждены были тогда скрываться еще более тщательно, чем прежде, особенно после смерти их внешнего главы, императора Генри VII Люксембургского, место которого

Беатриче показывала Данте, предвосхищая это, на самом высоком из Небес.[64] С этого времени следовало скрывать «знак отличия», о котором мы уже упоминали: членения поэмы, в которых число 11 проявляется яснее всего, должны быть не то, чтобы устранены, но сделаться менее видимыми таким образом, чтобы только те могли их распознать, кто знает их значение и основание применения; и если подумать, что прошло шесть веков, прежде чем на их существование было публично обращено внимание, то надо полагать, что требуемые предосторожности были приняты и что они были достаточно действенными.[65]

С другой стороны, внося свои изменения в первую часть своей поэмы, Данте одновременно вводит новые соотнесения с другими символическими числами; вот что об этом говорит Бенини: «Данте задумал тогда упорядочить интервалы между пророчествами и другими выделяющимися местами поэмы таким способом, чтобы они отвечали друг другу через определенное число стихов, выбранное, естественно, среди символических чисел. В результате получилась система консонансов и ритмических периодов, замененная на другую, но гораздо более сложную и тайную, чем предыдущая, как это и подобает языку откровений, на котором говорят существа, провидящие будущее. Так появляются знаменитые 515 и 666, которыми полна трилогия: 666 стихов разделяет пророчество Чиакко от пророчества Вергилия, 515 — пророчество Фарината от Чиакко; снова появляется 666, между пророчеством Брунетто Латини от Фарината, и опять 515 между пророчеством Николаса III от мессира Брунетто». Эти числа, которые так регулярно, как мы видим, чередуются, друг другу противостоят в принятом Данте символизме: действительно, известно, что в Апокалипсисе 666—это «число зверя» и что бесконечное множество исчислений было сделано, часто фантастических, чтобы найти имя Антихриста, числовым значением которого оно должно являться, «ибо это число человеческое»,[66] с другой стороны, 515 специально объявлено в предсказании Беатриче со значением, прямо противоположным первому: «Пятьсот Пятнадцать, вестник бога…».[67] Полагали, что это 515 то же самое, что и таинственный Вельтро, враг волчицы, которая, таким образом, оказывается тождественной апокалиптическому зверю,[68] предполагали даже, что и тот и другой символ обозначает Генри Люксембургского.[69] Мы не собираемся обсуждать здесь значение слова Вельтро,[70] но не думаем, что следует видеть в нем намек на некоего определенного персонажа; для нас речь здесь идет просто об одном из аспектов общей концепции Данте, созданной им относительно Империи.[71] Бенини,

замечая, что число 515 пишется латинскими буквами как DXV, интерпретирует эти буквы как инициалы, обозначающие Dante, Veltro di Cristo, но эта интерпретация очень натянутая, к тому же ничто не позволяет предполагать, что Данте хотел самого себя отождествить с этим «посланцем Бога». На деле же достаточно поменять буквы местами, чтобы получить DVX, то есть слово Dux (вождь, герцог), которое понятно без объяснений;[72] добавим еще, что сумма цифр 515 дает 11:[73] этим Dux мог быть вполне и Генри Люксембургский, если угодно, но прежде всего он был совсем другим главой, который мог быть выбран теми же организациями для реализации определенной цели, которую они запечатлели в социальном порядке и которую шотландское масонство все еще обозначает как «царство Священной Империи».[74]

Глава VIII. КОСМИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

После этих наблюдений, в которых, как мы думаем, закреплены некоторые важные исторические отметки, мы пришли к тому, что Бенини называет «хронологией» поэмы Данте. Мы уже упоминали, что Данте совершал свое путешествие в святую неделю, то есть в тот момент литургического года, который соответствует весеннему равноденствию; мы также видели, что согласно Ару, именно в это же время катары совершали свое посвящение. С другой стороны, памятование Тайной Вечери в масонских капитулах Розы и Креста празднуется в святой четверг, и вновь приступают к работам, символически, в пятницу в три часа пополудни, то есть в день и час, когда Христос умер. Наконец, начало этой святой недели в 1300 году совпадало с полной луной, и по этому поводу можно заметить, чтобы восполнить соответствия, указанные Ару, что именно в полнолуние Ноахиты проводили свои собрания.

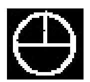
Этот 1300 год был для Данте серединой его жизни (ему было тогда 35 лет) и он был также для него серединой времен; здесь мы еще раз процитируем Бенини: «Поглощенный своим крайне эгоцентрическим мышлением, Данте располагал свое видение посреди жизни мира — движение небес длилось 65 веков до него и должно длиться 65 веков после него, — и при помощи ловкой игры он заставляет встречаться в точные годовщины в трех родах астрономических годов величайшие события истории, а в четвертом роде — годовщину величайшего события собственной жизни». Но особенно должна привлечь наше внимание оценка общей длительности мира, или же, мы бы сказали, оценка текущего цикла: два раза по 65 веков, то есть 130 веков, или 13 000 лет, из которых 13 веков, протекших с начала христианской эры, составляют в точности десятую часть. Число 65, впрочем, замечательно само по себе: при сложении его цифр оно тоже дает 11, и, более того, это число 11 распадается на 6 и 5, которые являются соответственно символическими числами макрокосма и микрокосма и которые Данте выводит из принципиального единства, когда говорит: «так, как пять иль шесть / Из единицы ведомой лучится».[75] Наконец, при переводе 65 в латинские буквы, как мы это делали для 515, мы получим LXV, или же с той же перестановкой, как и в предыдущем случае, LVX, то есть слово Lux: и это может тоже иметь отношение к эре масонов «Истинного Света».[76]

Но вот что интересно: продолжительность времени в 13 000 лет есть

не что иное, как половина периода прецессии равноденствий, оцененной с ошибкой, превышающей истинную величину лишь на 40 лет, следовательно, меньше, чем на полвека, что представляет вполне приемлемое приближение, особенно когда эта длительность измеряется веками. В действительности общий период реально насчитывает 25 920 лет, так что половина составляет 12 960 лет; этот полупериод и есть «великий год» персов и греков, иногда также оцениваемый как имеющий 12 000 лет, что гораздо менее точно, чем 13 000 лет Данте. Этот «великий год» древних действительно рассматривался ими как во время протекающее между двумя восстановлениями мира, что без сомнения должно интерпретироваться в земной человеческой истории как интервал, разделяющий большие катаклизмы, в которых исчезают целые континенты (и последним из которых было разрушение Атлантиды). По правде говоря, это только вторичный цикл, который может считаться частью другого, большого цикла, но в силу определенного закона соответствий каждый вторичный цикл воспроизводит в более редуцированном масштабе фазы, сходные с теми фазами, которые составляют большие циклы, интегрирующие их. Вообще о циклических законах можно сказать, что они применимы в различных масштабах: исторические циклы, геологические циклы, собственно космические циклы со своими разделениями и подразделениями, еще более умножающими возможности их применения. Впрочем, когда выходят за границы земного мира, то больше нет речи о том, чтобы измерять длительность цикла через буквально понятое число лет; числа тогда принимают чисто символическое значение и выражают скорее пропорции, нежели реальные длительности. Не менее верно, что в индуистской космологии все циклические цифры, по существу, основаны на периоде прецессии равноденствий, с которыми они имеют четко определенные отношения;[77] в этом, следовательно, заключается основное астрономическое применение циклических законов, а значит, и естественная отправная точка всех аналогичных перестановок, допускаемых теми же законами. Мы не можем здесь подробно рассматривать эти теории, но замечательно, что Данте принял ту же самую основу для своей символической хронологии, и в этом пункте мы еще раз можем отметить его совершенное согласие с традиционными учениями Востока.[78]

Но можно спросить себя, почему Данте располагает свое видение в точности посреди «великого года», и можно ли на самом деле говорить в этой связи об его «эгоцентризме» или же для этого были причины другого

порядка. Мы прежде всего должны отметить, что если точку отсчета принимают во времени и исходя из этой отправной точки рассчитывают длительность циклического периода, то всегда приходят к точке, которая будет в совершенстве соответствовать той, от которой начинали отсчет, так как само это соответствие между элементами последующих друг за другом циклов обеспечивает непрерывность последних. Следовательно, можно выбрать начало таким образом, чтобы идеально располагаться посреди такого периода; таким образом, будут две разные длительности, одна предшествующая, а другая последующая, которые вместе воспроизведут поистине все обращение небес, поскольку все окажется к концу в положении не идентичном (полагать так — значит впасть в ошибку «вечного возвращения» Ницше), но соответствующим по аналогии тому, в котором они были вначале. Геометрически это можно представить следующим образом: если цикл, о котором идет речь, есть полупериод прецессии равноденствия, и если целый период изображают окружностью, то достаточно провести горизонтальный диаметр, чтобы разделить эту окружность на две половины, каждая из которых будет представлять полупериод, начало и конец которого соответствует двум концам диаметра; если рассматривать только верхнюю половину окружности и провести вертикальный радиус, то он достигнет средней точки, соответствующей «середине времен». Фигура, полученная таким образом, — это знак

то есть алхимический знак минерального царства;[79] восполненный крестом — это «шар мира», иероглиф Земли и эмблема императорской власти.[80] Это последнее применение символа, о котором идет речь, должно было иметь для Данте особую ценность, а восполнение крестом оказывается имеющим отношение к факту, что центральная точка, в которой он себя помещает, географически соответствует Иерусалиму, представляющему для него то, что мы бы назвали «духовным полюсом».[81] С другой стороны, как антипод Иерусалиму, то есть на другом полюсе, возвышается гора Чистилища, над которой светятся четыре звезды, образующие созвездие Южного Креста:[82] здесь вход на Небеса, как под Иерусалимом — вход в Ад; в этой оппозиции мы находим образное изображение антитезы «Христа страдающего» и «Христа в славе».

С первого взгляда может показаться удивительным, что мы устанавливаем сходство между хронологическим и географическим символизмом; и здесь мы бы хотели дать разъяснение, предшествующее

истинному значению, так как временная последовательность во всем том, о чем шла речь, есть только способ символического выражения. Любой круг может быть разделен на две фазы, эти две половины хронологически являются последовательными, и в этом смысле мы их сперва и разделили; но в реальности эти две фазы представляют собой соответственно две противоположные тенденции, дополняющие одна другую, действие которых, очевидно, может быть как одновременным, так и последовательным. Располагаться в середине цикла — это значит располагаться в точке, где эти обе тенденции уравновешены: как говорят мусульманские посвященные, это божественное «место, где контрасты и антиномии примиряются»; это центр «круга всех вещей», согласно индуистскому выражению; или же «неизменяющаяся середина» дальневосточной традиции, фиксированная точка, вокруг которой осуществляется вращение сфер, постоянные перемены проявленного мира. Путешествие Данте осуществляется по «духовной оси» мира; только отсюда на самом деле можно рассматривать все вещи в их постоянстве, потому что оно само по себе отделено от изменения и, следовательно, приобретает синтетический и всеобщий вид.

С точки зрения собственно посвящения то, о чем мы только что говорили, отвечает еще одной глубокой истине; конкретное бытие должно прежде всего идентифицировать центр своей собственной индивидуальности (представленный через сердце в традиционном символизме) с космическим центром состояния существования, к которому принадлежит эта индивидуальность и которое оно принимает в качестве основания для того, чтобы подняться к высшим состояниям. Именно в этом центре находится совершенное равновесие, образ принципиальной неизменности в проявленном мире; именно отсюда проецируется ось, которая связывает между собой все состояния, «божественный луч», который в своем восходящем направлении ведет прямо к высшим состояниям, о достижении которых шла речь. Всякая точка виртуально обладает этими возможностями и есть, если так можно сказать, центр в потенции; но надо, чтобы она стала им в действительности через реальную идентификацию, чтобы сделать актуально возможным всеобщий расцвет бытия. Вот почему Данте, чтобы иметь возможность вознестись на Небеса, должен был прежде всего поместить себя в центр земного мира; и эта точка является одновременно и центром времени и центром пространства, то есть в отношении двух условий, которые характеризуют существование в этом мире.

Если мы теперь вновь посмотрим на геометрическое представление,

которым мы пользовались, то увидим, что вертикальный радиус,[83] идущий от поверхности земли к ее центру, соответствует первой части путешествия Данте, то есть прохождению через Ад. Центр земли — это самая низкая точка, потому что сюда стягиваются отовсюду все силы тяготения; следовательно, как только она пройдена — начинается подъем, и он осуществляется в противоположном направлении, для того чтобы достичь антиподов отправной точке. Следовательно, чтобы представить эту вторую фазу, надо продолжить радиус дальше центра, чтобы восполнить вертикальный диаметр. Тогда мы имеем фигуру круга, разделенного крестом

то есть знак, то есть герметический символ растительного царства. Однако, если рассматривать обобщенным образом природу символических элементов, которые играют ведущую роль в двух первых частях поэмы, то действительно можно заметить, что они соответственно соотносятся к двум царствам, минеральному и растительному; мы не будем настаивать на очевидном отношении, которое соединяет первое царство с внутренними районами земли, мы напомним только о «мистических деревьях» Чистилища и земного Рая. Можно было бы ожидать, что последует соответствие между третьей частью и животным царством;[84] но, по правде говоря, здесь нет его, потому что границы земного мира здесь уже превзойдены таким образом, что далее нельзя больше применять тот же символизм. В конце второй части, то есть все еще в земном Раю, мы находим самое большое изобилие животных символов; надо пройти три царства, представляющие собой различные виды существования в нашем мире, прежде чем перейти к другому состоянию, условия которого совершенно иные.[85]

Нам еще осталось рассмотреть две противоположные точки, расположенные на концах оси, пересекающей землю, которые суть, как мы говорили, Иерусалим и земной Рай. В них в определенном смысле оказываются вертикальные проекции двух точек, отмечающих начало и конец хронологического цикла, которые как таковые у нас соответствуют концам горизонтального диаметра в предшествующем изображении. Если эти концы представляют собой оппозицию во времени и если концы вертикального диаметра представляют собой оппозицию в пространстве, то здесь мы имеем выражение взаимодополняющей роли двух принципов, действие которых в нашем мире проявляется как существование двух условий — времени и пространства. Вертикальная проекция может

рассматриваться как проекция во «вневременное», если позволительно будет так сказать, потому что она осуществляется согласно оси, на которой все вещи рассматриваются в модусе постоянного и непреходящего; переход от горизонтального к вертикальному диаметру представляет, следовательно, преобразование последовательности в одновременность.

Но нам скажут, какое отношение имеют две точки, о которых шла речь, к концам хронологического цикла? Для одного из них, то есть для земного Рая, это отношение очевидно, и именно с него начинается цикл, но для другого надо сказать, что земной Иерусалим взят как прообраз небесного Иерусалима, описанного в Апокалипсисе; в Иерусалиме также, впрочем, символически располагают место воскресения и Страшного Суда, которые заканчивают цикл. Расположение двух точек как антиподов получает еще одно значение, если увидеть, что небесный Иерусалим есть не что иное, как восстановление земного Рая, согласно перевернутой аналогии.[86] В начале времен, то есть в настоящем цикле, земной Рай стал недоступен из-за падения человека; новый Иерусалим должен «спуститься с неба на землю» к концу этого же самого цикла, чтобы тем самым отметить восстановление всех вещей в их первоначальном порядке, и можно сказать, что он будет играть для нового цикла ту же роль, которую земной Рай играл для нашего цикла. Действительно, конец одного цикла — это аналог его начала, и он совпадает с началом цикла следующего, но на этом вопросе мы не будем больше останавливаться, чтобы не выходить за пределы нашего предмета.[87] Добавим только, чтобы обозначить еще один аспект того же самого символизма, что центр бытия, о котором мы упоминали выше, в индуистской традиции обозначен как «город Брамы» (на санскрите Брамапура) и что во многих текстах о нем говорится почти в тех же словах, что и читаемые нами в апокалиптическом описании небесного Иерусалима.[88] Наконец, возвращаясь к тому, что более непосредственно касается путешествия Данте, следует отметить, что если отправная точка цикла становится завершением пути, пересекающего земной мир, то в этом есть формальное указание на то «вечное возвращение», которое занимает важное место во всех традиционных учениях и на котором, что является довольно замечательным совпадением, особенно настаивают исламский эзотеризм и даосизм; тем не менее то, о чем здесь идет речь, все еще является восстановлением «райского состояния», о котором мы уже говорили и которое должно считаться предварительным условием в достижении высших состояний бытия.

Равноотстоящая от двух концов точка, о которой только что шла речь,

то есть центр земли, есть точка, как мы уже говорили, самая низшая, соответствующая также середине космического цикла, если этот цикл рассматривается хронологически или в аспекте последовательности. Действительно, тогда можно разделить всю совокупность вещей на две фазы, одну нисходящую, идущую в направлении все более и более подчеркнутой дифференциации, и другую восходящую, возвращающуюся к основному состоянию. Эти две фазы, которое индуистское учение сравнивает с фазами дыхания, также встречаются в герметических теориях, где они названы «коагуляцией» и «растворением»: в силу закона аналогии «Великое Дело» воспроизводит в сокращенном виде весь космический цикл. Можно в них видеть соответственно преобладание одной из двух противоположных тенденций, тамас и саттва, которые мы ранее уже описали: первая проявляется во всех силах сжатия и конденсации, вторая — во всех силах расширения и экспансии; еще мы в этом находим соответствие с противоположными свойствами тепла и холода, первое расширяет тела, а второй их сжимает, вот почему последний круг Ада — это лед. Люцифер символизируется «извращенным влечением природы», то есть тенденцией к индивидуализации со всеми ограничениями, которые ей присущи; его местопребывание, следовательно, есть «точка… / Где гнет всех грузов отовсюду слился»,[89] или, другими словами, центр сил сжатия и притяжения, которые в земном мире представлены через силу земного притяжения, ту, которая тянет тела вниз (который повсюду будет центром земли), есть истинное проявление тамаса. Мы можем отметить по ходу рассуждения, что это идет вразрез с геологической гипотезой «центрального огня», так как самая низшая точка должна быть как раз той, где плотность и твердость максимальны. С другой стороны она также противоположна гипотезе конца мира как замерзания, принимаемой некоторыми астрономами, поскольку такой конец может быть лишь возвратом к неразличимости. Впрочем, последняя гипотеза находится в противоречии со всеми традиционными концепциями: «не только у Гераклита и стоиков разрушение мира должно совпадать с великим пожаром, то же самое утверждение встречается почти повсюду, от Пуран до Апокалипсиса; и мы еще раз должны отметить согласие этих традиций с герметическим учением, для которого огонь (это та из стихий, в которой доминирует саттва) есть движущая сила «обновления природы» или «окончательного восстановления».

Центр земли, следовательно, представляет собой предельную точку проявления в рассматриваемом состоянии существования; это настоящая остановка, от которой начинается изменение направления, преобладание

переходит от одной к другой из двух противоположных тенденций. Вот почему, как только достигнуто адское дно, начинается подъем или возвращение к исходному началу, следующее непосредственно за нисхождением; переход от одной к другой полусфере осуществляется, огибая тело Люцифера, что наводит на мысль о том, что такая трактовка центральной точки имеет некоторое отношение к масонским таинствам «Срединной Комнаты», где равно идет речь о смерти и воскресении. Везде и повсюду мы находим подобные символические выражения двух дополняющих друг друга фаз, в посвящении или в герметическом «Великом Деле» (это, по сути, одно и то же), которые воспроизводят эти же самые циклические законы, универсально применимые и на которых, с нашей точки зрения, покоится все построение поэмы Данте.

Глава IX. ОШИБКА СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Возможно, кто-нибудь подумает, что это исследование ставит больше вопросов, чем решает, и, по правде говоря, мы бы не возражали против такой критики, если бы она возникла; но такая критика возможна лишь со стороны тех, кто не знает, насколько знания посвящения отличаются от всех профанных знаний. Вот почему мы с самого начала предупредили, что не намереваемся давать полное описание предмета, потому что сама его природа исключает подобные претензии; впрочем, для того, чтобы рассмотреть все, что относится к этой области, потребовалось много томов, чтобы развить множество вопросов, как они того заслуживают, которые мы упоминали в ходе нашей работы, не говоря уже о всех тех вопросах, которые мы не имели возможности рассмотреть, но которые возникли бы неизбежно, если бы мы предприняли это развитие.

Заканчивая, отметим только, дабы никто не смог истолковать неверно наши намерения, что указанные нами точки зрения отнюдь не являются исключительными и что, без сомнения, существует множество других, которые тоже можно было бы принять и из которых можно было бы извлечь не менее важные следствия, приводя все эти точки зрения в совершенное согласие всеобщего синтеза. По самой своей сущности символизм посвящения не может быть сведен к более или менее систематически точным формулам, подобным тем, которые предпочитает профанная философия. Роль символов состоит в том, чтобы быть поддержкой концепции, возможности расширения которой поистине неограниченны, и не является ли всякое выражение лишь символом; следовательно, надо всегда оставлять место для невыразимого, являющегося даже в порядке чистой метафизики наиболее важной частью.

Легко понять при этих условиях, что мы ограничиваемся тем, что предоставляем отправную точку для размышления поистине заинтересованным в этих исследованиях и способным понять их реальное значение и указываем путь для некоторых исследований, из которых, как нам кажется, можно извлечь особую пользу. Следовательно, если эта работа в результате вызвала к жизни другие, идущие в том же направлении, то этим результатом вовсе не надо пренебрегать, тем более

что для нас речь не идет об эрудиции более или менее бесполезной, но об истинном понимании; и несомненно, что только таким образом будет возможно когда-нибудь дать почувствовать нашим современникам узость и недостаточность их обычных концепций. Цель, которую мы имеем в виду, может быть очень удаленная, но мы не можем тем не менее не думать о ней и не стремиться к ней, внося свой посильный вклад, сколь бы ни был он мал, в освещение очень мало известного аспекта произведения Данте.

---

notes

Примечания

1

Ад. IX, 61–63. — Здесь и далее цитаты даны в переводе М. Лозинского.

2

Convito (Пир). Т.П. Гл. I.

3

См.: Arturo Reghini. L'Allegoria esoterica di Dante, dans le «Nuovo Patto», septembre-novembre, 1921. Pp. 541–548.

4

Следует сказать, что мы бы предпочли другое слово вместо «язычества», навязываемого длительным употреблением, но являющегося по своему происхождению выражением презрения, применяемым к греко-римской религии, когда она была сведена на последней стадии своего нисхождения к состоянию простого народного «суеверия».

5

Мы имеем в виду известный случай с ал-Халладжем, приговоренным к смерти в Багдаде в 309 году Хаджра (921 г. христианской эры), память о котором чтится теми же самыми, кто полагает, что он был приговорен справедливо за свое неосторожное разглашение тайн.

6

Святая вера (лат.).

7

Посвященный Святой Брат, Могущественный Властитель, Храмовый Брат.

8

Рай, XXXI — слово contemplante (букв, созерцательный), которым впоследствии Данте называет Бернара (там же, XXXII, I), представляется, обладает двойным смыслом из-за его родства со значением слова Temple (храм).

9

Convito (Пир). Т. II. Гл. XIV.

10

О «Тайной Лестнице Кадош», о которой будет еще идти речь ниже см.: «Масонский учебник» Вюйома (Manuel maconnique du Fr. Vuilliaum. Табл. XVI. стр. 213–214). Мы цитируем эту работу по второму изданию (1830 г.).

11

Вот перевод этого текста: «О люди, вы, кто не может видеть смысл этой Канцоны, все же не отбрасывайте ее; но обратите внимание на ее красоту, которая велика, будь то конструкция, что касается грамматиков, будь то строй (порядок) речи, что касается риториков, будь то число ее частей, что касается музыкантов».

12

Мы цитируем резюме работ Ару, которое было дано Седиром в «Истории розенкрейцеров», стр. 16–20; 2-е изд. стр. 13–17 (Sedir, Histoire des Rose-Croix). Названия произведений Ару: «Данте еретик, революционер и социалист» (опубликована в 1854 г. и переиздана в 1939 г.) и «Комедия Данте, переведенная в стихах согласно букве и комментированная согласно духу, следуя Ключу символического языка Братьев Любви» (1856–1857). Aroux. Dante heretique, revolutionnaire et socialiste; la Comedie de Dante, traduite en vers selon la lettre et commentee selon l'esprit, suivie de la Clef du langage symbolique des Fideles d'Amour.

13

По крайней мере любопытно, что эти же самые три цвета стали в наше время национальными цветами Италии; впрочем, как правило, их считают масонского происхождения, хотя довольно трудно определить, откуда непосредственно была эта идея извлечена.

14

К этим отличительным знакам следует добавить «корону с золотыми остриями».

15

См.: «Свет масонства», стр. 250; «Масонский учебник» Вюйома, стр. 179–182

16

Мы должны признаться, что не видим отношения между сложностью этой степени и ее наименованием.

17

Эта алхимическая триада часто ассоциируется с триадой конститутивных элементов самого человеческого существа: дух, душа и тело.

18

Слова в скобках добавлены нами, чтобы сделать текст более понятным.

19

В этих последних словах можно видеть скрытый намек на «эликсир долгой жизни» алхимиков. — Предшествующая степень (25-я), степень Кавалера Бронзовой Змеи, была представлена как «заключающая в себе первую часть ступени Египетских Таинств, откуда ведет свое происхождение медицина и великое искусство составлять лекарства».

20

Автор, конечно, хочет сказать: «символическое использование которого восходит к самым давним временам», потому что мы не можем предположить, что он имеет в виду само число три считать хронологическим началом.

21

Три цвета степени иногда рассматриваются как символизирующие соответственно три теологические добродетели: белый представляет тогда Веру, зеленый — Надежду, красный — Милосердие (или Любовь). Знаки отличия этой степени Принца де Мерси таковы: красный фартук, посередине которого нарисован или вышит белый с зеленым треугольник, и шнурок трех цветов Ордена, располагавшийся на шейном платке, к которому подвешивалось как украшение равносторонний треугольник (или Дельта) из золота («Масонский учебник» Вюйома стр. 181).

22

Масон высокой степени посвящения, который кажется более сведущим в этой современной и светской науке, которую называют «история религии», чем в истинном тайном знании, граф Гобле д’Альвиелла, полагал, что можно дать этой, чисто христианской и герметической степени, буддистскую интерпретацию исходя из того, что есть некоторое сходство между титулами Принц де Мерси и Господь Сострадание.

23

Так на самом деле, по крайней мере внешне, Орден Тринитариев или Орден де Мерси имел целью выкуп пленных.

24

Некоторые приписывали гербу, связь которого с герметизмом довольно тесная, происхождение исключительно персидское, тогда как на самом деле герб существовал в античности у большого числа народов, как восточных, так и западных, в том числе и у кельтских народов.

25

Эти два аспекта также соответствуют двум входам (дверям) солнцестояния; многое можно было бы сказать об этом символизме, который древние латиняне кратко представили в фигуре Януса. С другой стороны, следует делать некоторое различие между Адами, Лимбами и «тьмой внешней», о которой речь идет в Евангелии; но это завело бы нас слишком далеко и к тому же ничего бы не изменило в сказанном нами, где речь идет только об общем разделении профанного мира и иерархии посвященных.

26

Можно заметить еще, что небо Марса представлено как местопребывание «мучеников религии»; здесь даже есть в Marte и martin нечто вроде игры слов, примеры которой можно найти и в других случаях: так, гора Монмартр была некогда Mont de Mars, Гора Марса, прежде чем стать Mont des Martrs, — Горой мучеников. По ходу дела отметим, кстати, другой, довольно странный факт: имена трех мучеников Монмартра — Дионис, Рустик и Елевтер — суть три имени Бахуса. Более того, святой Дени, считающийся первым епископом Парижа, обычно идентифицируется со святым Дионисием Ареопагитом, а в Афинах Ареопаг был также Горой Марса (Mont de Mars).

27

Символизм орла в различных традициях один потребовал бы специального изучения.

28

Рай, XVIII. 91–93. «Любите справедливость, судящие землю» (Библия).

29

Небезынтересно отметить, что святой Петр Дамьен, который беседует с Данте на небе Сатурна, числится в списке (по большей части вымышленном) Императоров Розы и Креста, данном в «Clypeum Veritatis» d'lrenaeus Agnostus (1618).

30

Орден Гередом де Кильвиннинг (L'Ordre de Heredom de Kilwinning) есть Великий Капитул высших степеней, связанных с Великой Королевской Ложей Эдинбурга и основанный, согласно традиции, королем Робертом Брюсом (Thory Acta Latomorum, т. I. стр. 317). Английское слово Heredom (или heirdom) означает «наследие «(тамплиеров); тем не менее с уверенностью можно вывести это обозначение от древнееврейского Harodim, имя, даваемое тем, кто руководил рабочими при постройке Храма Соломона (см. нашу статью по этому поводу в Etudes traditionnelles, n° de mars, 1948).

31

Апокалипсис, VII, 13–14.

32

Рай, XXX, 127–129.

«Я был введен — как тот, кто смолк, смущенный,
Моей владычицей, сказавшей:
«Вот Сонм, в белые одежды облеченный!»

По этому поводу следует отметить, что слово convent (конвент) используется в масонстве для обозначения их больших собраний.

33

Рай, XXXI, 1–3. — Последний стих может быть отнесен к символизму красного креста тамплиеров.

34

Manuel maconnique du Fr. Vuilliaum. P. 143–144.— Сравн.: Апокалипсис XXI.

35

В Капитулах Розы и Креста (шотландская 18-я степень) названия теологических добродетелей ассоциируются соответственно с тремя словами девиза «Свобода, Равенство, Братство»; можно также их сблизить с теми, что называют «три главных опоры Храма», символически представленные в степенях «Мудрость, Сила, Красота». Этим же трем добродетелям Данте ставит в соответствие святого Петра, святого Иакова и святого Иоанна, трех апостолов, присутствовавших при Преображении.

36

Arturo Reghini, art. cit. P. 545–546.

37

Святой Иоанн часто считается главой Церкви внутренней, и, следуя некоторым концепциям, на которые мы находим здесь указание, он противопоставляется в этом качестве святому Петру, главе Церкви внешней; истина же скорее всего состоит в том, что сфера приложения его авторитета другая.

38

Эта цитата из Элифаса Леви, как и многие другие (в особенности, извлеченные из «Догмы и Ритуалы Высокой Магии»), текстуально воспроизводится без указания на источник Альбером Пайком в его «Морали и Догме Франкмасонства» (Albert Pike. Morals and Dogma of Freemasonry. P. 822); и даже само название этой работы явно подражает Элифасу Леви.

39

Ch. M. Limousin. La Kabbale litterate occidentale.

40

На древнееврейском само слово означает «традиция», и если оно не написано на этом языке, то нет никакого основания его использовать для обозначения всякой без различия традиции.

41

Однако следует сказать, что, согласно свидетельствам современников, Данте поддерживал постоянные отношения с весьма образованным евреем и тоже поэтом Иммануэлем бен Соломоном бен Иегудиелом (1270–1330), но не менее истинно, что мы не обнаруживаем никаких следов специфически иудаистских элементов в Божественной Комедии, тогда как Иммануэль был ею вдохновлен на одно из своих произведений, вопреки противоположному мнению Израеля Зангвиля о том, что сравнение дат делает это невозможным.

42

Это мнение действительно было высказано Рейхлиным.

43

В XVI веке то же самое можно сказать о произведениях Рабле, тоже заключающих в себе эзотерическое значение, которое интересно было бы изучить подробнее.

44

Eliphas Levi. Histoire de la Magie, 1860. P. 359–360. Важно по этому поводу отметить, что существует нечто вроде итальянского переложения Романа о Розе, названного II Fiore (Цветок), автор которого Ser Durante Fiorentino, кажется, не кто иной, как сам Данте, настоящее имя которого действительно было Дуранте, от которого сокращенная форма есть Данте.

45

Histoire de France, т. III. стр. 398–399.

46

Тамплиер зуав Вольфрам д’Эшенбах, автор Парсеваля и подражатель бенедиктинского сатирика Гюио де Провэн (Guyot de Provins), которого он называет, впрочем, именем, странным образом искаженным, — Kyot de Provence (Киот де Прованс).

47

Анри Мартен в сноске еще добавляет: «Парсеваль кончает тем, что перевозит Грааль и строит храм в Индии; священник Иоанн, этот вымышленный фантастический глава воображаемого восточного христианства, наследует степень святой Чаши.

48

Мы здесь коснулись очень важного пункта, но мы его не можем рассмотреть без того, чтобы слишком не удалиться от нашего предмета: есть очень тесная связь между символизмом Грааля и «общим центром», на который намекает Анри Мартен, но, кажется, не подозревая о глубокой реальности его, и еще менее он понимает, очевидно, что собою символизирует в том же порядке идей имя священника Иоанна и его таинственного царства.

49

Латинское название этого праздника Dominica in Palmis; очевидно, что пальма и ветка — это одно и то же, и пальма, принимаемая как эмблема мучеников, имеет то же значение, которое мы здесь указали. Напомним также народное название «цветной Пасхи», очень ясно выражающее, хотя и неосознаваемое для тех, кто его сегодня использует, связь символизма этого праздника с воскресением.

50

Miguel Ason Palacios. La Escatologia musulmana en La Divina Comedia. Madrid, 1919. — Cf. Blochet, les Sources orientates de «La Divina Comedia». Paris, 1901.

51

A. Cabaton. La Divine Comedie» et l'lslam, dans la Revue de l'Histoire des Religions, 1920; эта статья содержит резюме работы М. Азина Паласиоса.

52

Ад. IV, 143–144.

53

Blochet. Etudes sur l'Histoire religieuse de l'lslam, dans la Revue de fflistoire des Religions. 1899. — Существующий французский перевод Книги Арда Вираф, выполненный М.А. Бартелеми, опубликован в 1887 г.

54

Angela de Gubernatis. Dante el'India, dans le Giornale della Societa asiatica italiana. T. 1989. P. 3–19; Le Type indien de Lucifer chez Dante, dans les Actes du X Congres des Orientalictes. M. Cabaton в статье, которую мы выше уже цитировали, сообщает, что «Озаман уже усмотрел двойное, исламское и индусское, влияние, которое испытал Данте» (Essai sur la philosophie de Dante. P. 98 и далее); но мы должны сказать, что работа Озамана, несмотря на репутацию, которой она пользуется, кажется нам крайне поверхностной.

55

Рай, XX, 94. «Царство Небесное принужденья ждет» (пер. М. Лозинского).

56

Чистилище, XXXIII, 145. — Замечательно, что все три части поэмы кончаются одним и тем же словом «звезда», как бы для того, чтобы утвердить совершенно особое значение, которое имел для Данте астрологический символизм. Последние слова Ада, «riveder le stelle» (вновь узреть светила), обозначают возвращение к собственно человеческому состоянию, откуда в качестве отражения можно воспринимать высшие состояния; слова, которыми заканчивается Чистилище, — это те, которые мы здесь объясняем. Что касается последнего стиха Рая: «L'Amore die muove il Sole e l'altre stelle» («Любовь, что движет солнце и светила»), то он означает, как последний предел «небесного путешествия», божественный центр, который по ту сторону всех сфер и который есть, согласно выражению Аристотеля, «неподвижный двигатель» всех вещей; слово «Любовь», примененное к нему, может дать место интересным наблюдениям в связи с символизмом, свойственным посвящению рыцарских орденов.

57

Теория трех гун, относясь к всевозможным способам универсального проявления, естественно, может иметь множество приложений; одно из этих приложений, специально касающееся чувственного мира, встречается в космологической теории элементов (стихий); но нам нужно было рассмотреть самое общее значение, потому что речь шла лишь о том, чтобы объяснить распределения всего ансамбля проявлений согласно иерархическому делению на три мира и указать на важность этого деления с точки зрения посвящения.

58

Per la restituzione della Cantica dell'Inferno alia sua forma primitiva, dans le Nuovo Patto, septembre-novembre, 1921. P. 506–532.

59

Третье «элементарное движение» — это увеличение, представляемое числом 1000; а сумма трех символических чисел — 1022, которое «мудрецы Египта», по словам Данте, рассматривали как число неподвижных звезд.

60

Интересно рассмотреть последовательность этих дат: в 1307 г. Филипп Красивый с согласия Клемента V заключает в тюрьму Великого Мастера и главные чины Ордена Тамплиеров (числом 72; это тоже символическое число); в 1308 г. Генри Люксембургский избирается императором; в 1312 г. Орден Тамплиеров официально запрещен; в 1313 г. император Генри VII умирает таинственной смертью, без сомнения отравленный; в 1314 г. происходит казнь тамплиеров, процессы над которыми длятся семь лет; в том же году король Филипп Красивый и папа Клемент V в свою очередь умирают.

61

Чистилище, XX, 91–93. Для Данте побудительным мотивом Филиппа Красивого была жадность и алчность; возможно, есть более тесная связь между двумя фактами, вменяемыми в вину этому королю: разгром Ордена Тамплиеров и подделка денег.

62

На древнееврейском эти слова означают: «Отмщение, о Господи!», «Адонаи» должно переводить более точно «мой Господь», и можно заметить, что именно так и обстоит дело в тексте Данте.

63

Чистилище, XX, 94–96.

64

Рай, XXX, 124–148. Именно в этом отрывке идет речь о «сонме, в белые одежды облеченном» (convento delle bianche stole). Организации, о которых идет речь, приняли в качестве пароля Altri, которое Ару (Данте еретик, революционер и социалист, стр. 227) интерпретируют следующим образом: Aririgo Lucemburghese, Teutonico, Romano Imperatore; мы думаем, что слово Teutonico неточно и должно быть заменено на Templare. Впрочем, это правда, что между Орденом Тамплиеров и Тевтонскими Рыцарями должно быть определенное отношение: не случайно, что оба были основаны почти одновременно, первый в 1118 г., а второй в 1128 г. Ару предполагает, что слово alti может быть интерпретировано, как только что было сказано, в определенном месте у Данте (Ад, IX, 9) и что также слово tal (там же, VIII, 130, и IX, 8) можно перевести как Teutonico Arrigo Lucemburghese.

65

Число 11 было сохранено в ритуале 33 шотландской степени, в которой он ассоциируется с датой отмены Ордена Тамплиеров, исчисленной согласно масонскому летоисчислению, а не общепринятому.

66

Апокалипсис, XIII, 18.

67

Чистилище, XXXIII, 43–44.

68

Ад, I, 100–111. — Известно, что волчица была сначала символом Рима, но что она была заменена на орла в эпоху Империи.

69

E.G. Parodi. Poesia e Storia nella Divina Commedia.

70

«Вельтро» — это борзая собака, и Ару утверждает возможность чего-то вроде игры слов между can и титулом Хан, который татары дают своим вождям; таким образом, такое имя, как Can Grande della Scala, защитника Данте, весьма вероятно, могло иметь двойной смысл. Это сопоставление не имеет ничего невероятного, так как это не единственный пример, который можно привести, основанный на фонетическом сходстве символизма; добавим к тому же, что в разных языках корень can или kan означает «могущество», что связано с тем же рядом идей.

71

Император, как его задумал Данте, совершенно сходен с Чакраварти или мировым монархом индусов, существенной функцией которого является воцарение мира сарвабхамика, то есть распространить мир по всей земле; можно также сопоставить эту теорию Империи и теорию халифата у муэддинов.

72

Можно заметить, впрочем, что этот Dux эквивалентен татарскому хану.

73

Так же точно, буквы DIL первые буквы слов Diligite justitiam…, которые сначала были произнесены отдельно (Рай, XVIII, 78), имеют числовое значение 551, образованное из тех же цифр, что и 515, но расположенных в ином порядке, также сводимое к 11.

74

Некоторые шотландские Высшие Советы, а именно в Бельгии, убрали из своих Конституций и уставов выражение «Священная Империя» повсюду, где оно встречалось. Мы в этом видим признак странного непонимания символизма вплоть до самых его фундаментальных элементов, и это говорит о том, до какой степени дегенерации дошли даже самые высокие степени некоторых фракций современного масонства.

75

Рай, XV, 56–57.

76

Добавим еще, что число 65 на древнееврейском есть число божественного имени Адонаи.

77

Основные из этих циклических чисел таковы: 72, 108 и 432; легко увидеть, что они являются точными делителями числа 25 920, с которым они непосредственно связаны через геометрическое деление круга; и само это деление является также применением циклических чисел.

78

В конце концов все традиции между собой согласны, насколько ни отличались бы они по форме; так обстоит дело и с теорией четырех возрастов человечества (которая рассматривает еще больший, чем 13 000 лет, цикл), которая встречается сразу и в греко-римской античности, и у индусов, и у народов центральной Америки. Можно найти намек на эти четыре возраста (золотой, серебряный, бронзовый и железный века) в фигуре «критского старика» (Ад, XIV, 94-120), тождественной также статуе из сна Навуходоносора (Даниил, II); и в четырех реках Ада, которые Данте заставляет там протекать, также имеющих определенное отношения по аналогии к рекам земного Рая; все это можно понять только при сопоставлении с циклическими законами.

79

Этот символ один из тех, которые имеют отношение к делению круга на четыре части, применения которых, аналогичные этому, почти бесчисленны.

80

См.: Oswald Wirth. Le Symbolisme hermetique dans ses rapports avec l'Alchimie et la France-Maccmnerie. P. 19, 70–71.

81

Символизм полюса играет значительную роль во всех традиционных учениях, но, чтобы ему дать исчерпывающее объяснение, потребуется посвятить ему специальное исследование.

82

Чистилище, I, 22–27.

83

Чистилище, I, 22–27.

84

Герметический символ животного царства — это знак

содержащий целый вертикальный диаметр и только половину горизонтального, этот символ в некотором роде противоположен символу минерального царства, то, что было горизонтально в одном, стало вертикалью в другом, и наоборот, символ же растительного царства, где есть определенная симметрия, или равновесие между двумя направлениями, горизонтальным и вертикальным, прекрасно символизирует опосредующую стадию между двумя другими.

85

Заметим, что три символические степени масонства в некоторых уставах имеют пароли, также соответствующие трем царствам: минеральному, растительному и животному, более того, первый из этих паролей иногда интерпретируется таким образом, что оказывается тесно связанным с символизмом «мирового шара».

86

Между земным Раем и небесным Иерусалимом существует то же отношение, что и между двумя Адами, о которых говорит апостол Павел (I послание к Коринфянам, XV).

87

В этой связи есть еще много вопросов, которые интересно было бы рассмотреть, например такой: почему земной Рай описывается как сад с растительным символизмом, тогда как небесный Иерусалим — как город с минеральным символизмом? Потому что растительность представляет собою выработку ростков в сфере витального усвоения, тогда как минералы представляют окончательно зафиксированный результат, «кристаллизацию», так сказать, в терминах циклического развития.

88

Сходство между этими текстами оказывается еще более значительным, когда принимают во внимание отношение, связывающее Агнца христианского символизма и ведического Агни (переходное звено между которыми, впрочем, представлено в виде барана). Мы не претендуем на то, что между словами Agnus и Ignis (латинский эквивалент слову Agni) существует что-либо иное, чем только фонетическое сходство, о котором мы упоминали выше, которое может и не соответствовать совершенно никакому лингвистическому в собственном смысле слова родству, но которое и не будет из-за этого чисто случайным. В особенности о чем бы мы хотели тут сказать, это об определенном аспекте символизма огня, который в разных традиционных формах связывается довольно тесно с идеей «Любви», преобразованной в высший смысл, как это делает Данте; и в этом также Данте вдохновляется еще раз апостолом Иоанном, с которым рыцарские ордена главным образом связывали свои ученые концепции. Надо заметить, кроме того, что Агнец ассоциируется одновременно и с представлениями земного Рая и небесного Иерусалима.

89

Ад, XXXIV, 110–111.